

Тур Хейердал «Кон-Тики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8091022

*«Кон-Тики» / Тур Хейердал ; [пер. с норв. Л. Жданова] : Издательство «Мысль»; Санкт-Петербург;
2015*

ISBN 978-5-367-03278-9

Аннотация

Экспедиция норвежца Тура Хейердала, предпринятая в 1947 году, до сих пор остается примером смелого научного дерзания и отчаянного путешествия.

Содержание

Приглашение к путешествию	5
Глава 1. Теория	7
Глава 2. Рождение экспедиции	17
Глава 3. В Южную Америку	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тур Хейердал «Кон-Тики»

Thor Heyerdahl
Kon-Tiki Ekspedisjonen

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1948

Norwegian edition published by Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

Published by agreement with Hagen Agency, Oslo and Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

© Erik Hesselberg, иллюстрации, 1949

© Жданов Л. Л., наследники, перевод на русский язык, 2014

© Обручев С. В., наследники, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»,
2014

* * *

Приглашение к путешествию

Вместе с кругозором человека растет его любознательность. Любознательность – движущая сила, которая дана нам от рождения; ее не измеришь ни киловаттами, ни лошадиными силами, но она непрестанно влечет человека вперед, внушает ему стремление преодолеть неизвестность. Особенно сильна любознательность на грани изведанного и еще непознанного, здесь она разгорается, упорно долбит преграду, пока не проникнет за нее, а неведомое непрерывно отходит назад, ведь всезнание недостижимо, как вечно отступающий горизонт.

Ребенок ползет на четвереньках к печке, к ведру, к стулу, ему надо узнать, какие они – холодные или горячие, твердые или мягкие, он сует в рот пирожное, гвозди и камни, чтобы изведать вкус. А когда своя кроватка и своя комната изучены, он стремится за дверь, в соседнюю комнату, вверх или вниз по лестнице, ему необходимо выяснить, что там. Дальше, дальше идут молодые, идут любопытные, подстегиваемые непреходящим стремлением еще и еще потеснить пределы неведомого. И неведомое пятится, отступает, а передовые отряды настойчиво расширяют кругозор человечества, идут через горы и равнины, через пустыни и океаны, поднимаются вверх на азростате, опускаются вниз в водолажном колоколе, проникают в ледяное безмолвие Арктики, в тропические джунгли, не оставляя неизведанным ни одного клочка Земли, погружаются на дно глубочайших морей, взбираются на пики высочайших гор – с одной, потом с другой стороны. Дальше, дальше – в верхние слои стратосферы, в безвоздушное пространство, на Луну, к другим планетам, в далекий космос, насколько позволяет время. Потому что человек ограничен временем. Время останавливает человека. Когда-нибудь техника позволит продолжить полет к другим солнечным системам, но путешествие продлится так долго, что одного поколения не хватит, чтобы добраться до цели.

Да, жизни одного человека не хватит, чтобы достичь другой солнечной системы. Ее мало даже для того, чтобы изучить все уголки нашего собственного земного шара. Ничто не остановит бега времени: время – союзник неведомого, оно ставит предел завоеваниям любознательности. И все же человек сделал изобретение, способное устоять против всех атак времени: письмо. Писаное слово – лучший союзник любознательности в ее поединке с временем. Оно выдержит любое путешествие; более того, один человек может за несколько минут прочесть о том, что испытано другим за всю жизнь. Письмо – самое революционизирующее изобретение человечества, оно важнее паровой машины, электрической лампочки и телевидения, вместе взятых, ведь оно позволяет сохранять и концентрировать совокупное знание человечества. Безвестные изобретатели письма вооружили нас динамитом, чтобы мы могли взрывать барьеры неведения, проникая в такие дали, которых мы иначе никогда бы не достигли.

Когда я пишу книги о своих путешествиях, я стремлюсь передать на бумаге впечатления и события в таких словах, чтобы другие могли за несколько часов пережить то, что было пережито нами за месяцы, может быть, годы. Все не могут отправиться в путешествие или экспедицию, каждый делает свое дело, вносит свой вклад в жизнь общества; да и те из нас, кто путешествует, читают о путешествиях других и о том, что делают все те, кто не путешествует, кто остается дома и приводит в движение шестеренки цивилизации, – от крестьянина и рыбака, которые всех нас кормят, до рабочего, служащего, ученого, экономиста, администратора и политика, образующих ячейки сложной системы современного государства. А я могу пригласить вас в путешествие в далекое прошлое, когда неведомые мореплаватели делали плоты и лодки из бальсы и папируса, и мы пройдем вместе с ними через океан из Америки и в Америку, чтобы посмотреть, не было ли связи между древнейшими культурами мира.

Добро пожаловать в путешествие, куда бы вас ни влекло! Может быть, начав читать, вы войдете во вкус и побываете вместе с нами во всех концах маленькой, но удивительно разнообразной планеты, на которой мы странствуем сообща в неизведанном, безбрежном мировом пространстве.

Моему отцу

Глава 1. Теория

С чего все началось. – Старик с острова Фату-Хива. – Ветер и течение. – Поиски Тики. – Кто заселил Полинезию? – Загадка Южных морей. – Гипотеза и факты. – Легенда о Кон-Тики и белой расе. – Война

Иногда человек ловит себя на том, что оказался в совершенно необычной ситуации. Пусть ты шел к этому постепенно и естественно; когда уже возврата нет, ты вдруг удивляешься: как это я ухитрился попасть в такое положение?

Если ты, например, с пятью товарищами и одним попугаем вышел в море на плоту, рано или поздно наступит такое утро, когда ты, проснувшись среди океана, со свежей головой начнешь размышлять.

Вот в такое утро я сидел над отсыревшим от росы судовым журналом и записывал:

«17 мая. Сильное волнение. Ветер свежий. Сегодня мне кашеварить, я подобрал семь летучих рыб на палубе, одного спрута на крыше каюты и неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и снова в глубине сознания зашевелилась мысль: а все-таки необычное 17 мая, и вообще в высшей степени необычная обстановка... море и небо... с чего же все это началось?

Повернешься налево – и открывается вид на могучий синий океан, на шипящие волны, которые одна за другой, одна за другой проносятся мимо в своем нескончаемом беге к вечно отступающему горизонту. Повернешься направо – в хижине, в тени бородатый человек лежит на спине и читает Гёте, удобно воткнув пальцы босых ног между планками низкой бамбуковой крыши. Эта хрупкая маленькая хижина – наш дом.

– Бенгт, – сказал я, отталкивая зеленого попугайчика, который вздумал взобраться на судовой журнал, – может быть, ты мне ответишь: как мы до этого додумались?

Томик Гёте опустил, открыв золотистую бороду:

– Кому же это знать, как не тебе, ведь ты все придумал, и, по-моему, придумал очень здорово.

Он передвинул пальцы ног на три планки выше и как ни в чем не бывало продолжал читать Гёте. На бамбуковой палубе рядом с хижинкой под жаркими лучами солнца трудились еще трое. Полуголые, загорелые, бородатые, с белыми полосками соли на спине, а выражение лица такое, будто они всю жизнь только тем и занимались, что сплавливали лес на запад через Тихий океан. А вот и Эрик, пригнувшись, забирается в хижину со своим секстантом и кипой бумаг:

– Восемьдесят девять градусов сорок шесть минут западной долготы и восемь градусов две минуты южной широты – неплохо продвинулись за последние сутки, а?

Он взял у меня из рук карандаш и нарисовал маленький кружочек на карте, висевшей на бамбуковой стене, – маленький кружочек на конце дуги из девятнадцати других кружочков, которая начиналась у портового города Кальяо на побережье Перу.

Тут и Герман, Кнют и Торстейн забрались внутрь, чтобы полюбоваться на новый значок, который был на добрых 40 морских миль ближе к островам Полинезии, чем предыдущий.

– Вот так-то, ребята, – гордо произнес Герман, – мы уже в тысяче пятистах семидесяти километрах от побережья Перу.

– И до ближайших островов по курсу осталось всего лишь шесть тысяч четыреста тридцать километров, – добавил Кнют осторожно.

– Для полной точности добавим, что мы в пяти тысячах метрах над дном морским, ну и до луны над нами не одна сажень, – сказал Торстейн.

Теперь мы все точно знали, где находимся, и я мог продолжать свои размышления на тему «почему?». Попугаю было решительно все равно, он упрямо лез на вахтенный журнал. А кругом – все тот же обрамленный небом океан: внизу сине, сверху сине.

Может быть, все началось прошлой зимой в кабинете музея в Нью-Йорке? А может быть, еще десятью годами раньше на одном из островков Маркизского архипелага в центре Тихого океана? И кто знает, возможно, мы причалим именно к этому острову, если норд-ост не отнесет нас южнее, в сторону Таити и Туамоту.

Я отчетливо представлял себе маленький островок с ржаво-красными обветренными скалами, зеленые заросли, сбегающие по косогорам к морю, стройные пальмы, что качаются на берегу в вечном ожидании. Островок называется Фату-Хива; сейчас нас отделяют от него тысячи морских миль, и на всем этом пути ни одного клочка суши. Я видел узкую долину Уна и отлично помнил, как мы вечерами сидели в ее устье на пустынном берегу, глядя на этот самый необозримый океан. Тогда я совершал свадебное путешествие, и меня не окружали, как сейчас, бородатые пираты. Мы собирали фауну для коллекции, а также идолов и другие остатки давно вымершей культуры. Мне отчетливо запомнился один вечер. Цивилизованный мир казался невообразимо далеким и нереальным. Почти год мы прожили на острове, где не было других европейцев, намеренно расставшись со всеми благами, а заодно и всеми пороками цивилизации. Нашим домом была хижина на сваях, которую мы выстроили под пальмами на берегу, и ели мы то, чем нас потчевал тропический лес и Тихий океан.

Суровая школа практической жизни позволила нам лучше узнать многие своеобразные проблемы Тихого океана; мне думается, мы во многом как физически, так и психологически шли по стопам древнего народа, который прибыл на эти острова неведомо откуда и полинезийские потомки которого безраздельно владели островным царством, пока не явились представители нашей расы – с Библией в одной руке, ружьем и водкой – в другой.

В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу, лицом к океану. Мы были в плену окружающей нас сказки и чутко все воспринимали, боясь хоть что-то пропустить. Жадно вдыхали запах буйного леса и соленого моря, слушали шорох ветра в листве и пальмовых кронах. Время от времени все заглушали могучие океанские валы, они несли свои пенящиеся гребни через отмель, чтобы разбить их вдребезги о гальку. Воздух наполнялся стуком, рокотом и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем все стихало: океан отступал, набираясь сил для нового натиска на упорный берег.

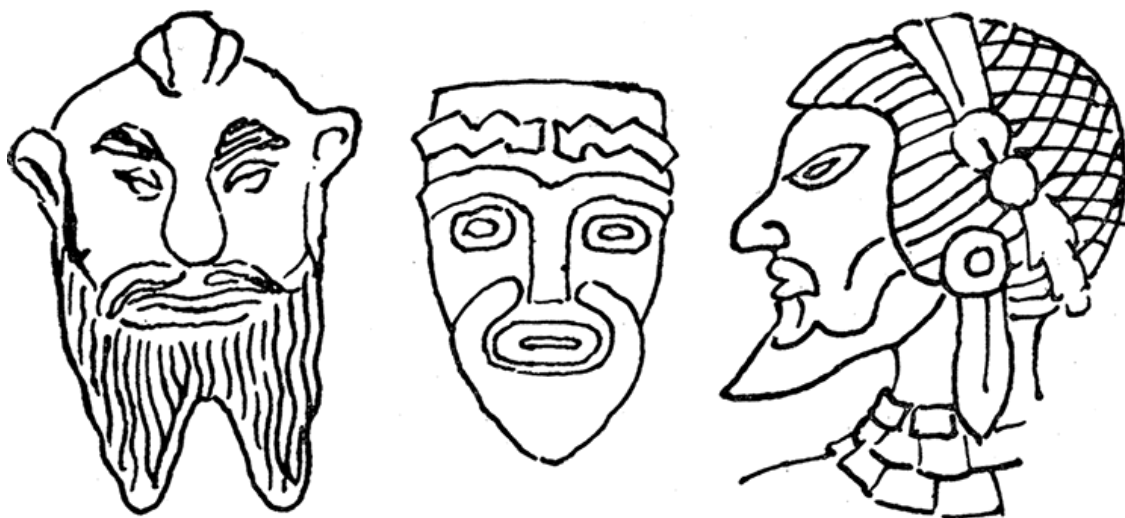
– Странно, – заметила Лив, – на той стороне острова никогда не бывает такого прибоя.

– Верно, – ответил я. – Здесь – наветренная сторона, поэтому океан никогда не бывает спокоен.

И мы продолжали любоваться океаном, который готов был без конца подчеркивать: вот я иду к вам с востока, с востока, с востока. Восточный ветер, вечный пассат, – вот кто теребил океанскую гладь, вспахивал ее и гнал борозды вперед к этим островам, где непрерывный натиск океана наконец разбивался о рифы и скалы. А пассат взмывал над берегом, лесом, горами и беспрепятственно летел дальше на запад, от острова к острову, туда, где заходит солнце. С незапамятных времен волны и легкие тучки точно так же переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это отлично знали первые люди, достигшие островов. Это знали птицы и насекомые; вся растительность определялась этим обстоятельством. А мы, кроме того, знали, что там, за горизонтом, на востоке, откуда выплывают облака, далеко-далеко простирается берег Южной Америки. 8 тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и залитый лунным светом колышущийся океан и прислушивались к рассказу полугололого старика, который сидел перед нами на корточках, глядя на тлеющие угли прогоревшего костра.

– Тики, – негромко произнес старик. – Он был и бог, и вождь. Это Тики привел моих предков на эти острова, где мы теперь живем. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он поковырял угли палочкой, чтобы не потухли окончательно, а сам продолжал размышлять. Старый человек, он жил прошлым и был связан с ним всеми узами. Он преклонялся перед своими предками и их подвигами, совершенными в незапамятные времена, когда на земле жили боги. И он предвкушал встречу с предками. Старый Теи Тетуа был последним представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он не знал, сколько ему лет, но его морщинистая темно-коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее сто лет. Он был одним из тех немногих жителей архипелага, кто еще помнил сказы отцов и дедов и верил в предания о сыне Солнца – великом полинезийском вожде и боге Тики.

Ночью, когда мы поднялись в нашу клетушку на сваях и легли спать, в моей голове все еще звучал рассказ старого Теи Тетуа о Тики и о заморской родине островитян. Глухие удары прибоя аккомпанировали моим мыслям; казалось, голос седой старины, рокочущий там, в ночи, хочет что-то поведать. Я не мог уснуть. Как будто время перестало существовать и Тики во главе своей морской дружины в эту самую минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня осенило.

– Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики в здешних лесах удивительно похожи на могучие статуи, памятники некоторых древних культур Южной Америки?

Прибой явственно пророкотал что-то одобрителное. И постепенно стих: я уснул.

Да, пожалуй, так все и началось. Во всяком случае так было положено начало целому ряду событий, в итоге которых мы шестеро и один зеленый попугай оказались на плоту посреди океана, вдали от берегов Южной Америки.

Помню, как я потряс отца и удивил мать и друзей, когда, вернувшись в Норвегию, сдал свою коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы в Зоологический музей университета. Я решил бросить зоологию и заняться древними народами. Меня захватили нерешенные загадки Южных морей. Должен же быть вразумительный ответ. И я задался целью установить, кем был этот легендарный Тики, откуда он пришел.

Много лет океанский прибой и развалины в дебрях были словно далекий сон, туманные образы, которые неотступно сопровождали все мои занятия. Я начал с того, что на собственном опыте изучил, как жили народы Тихого океана; теперь я взялся за научную литературу. Нельзя понять мысли и поступки первобытного народа, если только штудировать

книги и музейные коллекции, но нельзя и ограничиваться одними лишь путешествиями и наблюдениями в поле.

Ученые труды, записки эпохи великих открытий, необъятные коллекции музеев Европы и Америки давали богатейший материал для мозаики, которую мне хотелось собрать из многих кусочков.

С тех пор как представители нашей расы – вскоре после открытия Америки – впервые добрались до тихоокеанских островов, исследователи во всех областях науки собрали неисчерпаемое множество сведений как о народах Южных морей, так и об их соседях. И однако до сих пор нет единого мнения ни о происхождении полинезийцев, ни о том, почему они населяют только уединенные острова восточной части Тихого океана.

Когда европейцы впервые отважились выйти на необозримые просторы величайшего из океанов земли, они, к своему удивлению, нашли там множество гористых островков и плоских коралловых рифов, отделенных друг от друга и от всего остального мира огромными водными пространствами. И каждый островок был уже заселен, красивые, великолепно сложенные люди встречали мореплавателей на берегу, а кругом бежали собаки, свиньи, куры. Откуда пришли эти люди? Они говорили на своем языке, который больше никто не понимал. Нескромные представители нашей расы, присвоившие себе честь открытия этих островов, обнаруживали на каждом пригодном для заселения клочке суши возделанные земли и поселения, хижины и святилища. А на некоторых островах были даже древние пирамиды, мощеные дороги и каменные статуи вышиной с четырехэтажный европейский дом. Но никто не мог разрешить загадку. Что это за народ, откуда он явился сюда?

Сколько написано трудов на эту тему, столько и ответов. Специалисты в разных областях предлагали совершенно различные решения, которые затем опровергались весьма логичными доводами других исследователей, шедших своими путями. Родиной полинезийцев вполне убежденно называли Малайские острова, Индию, Китай, Японию, Аравию, Египет, Кавказ, Атлантиду, даже Германию и Норвегию! Но всякий раз возникала какая-нибудь заковыка, из-за которой все построение повисало в воздухе.

А там, где пасовала наука, выступала на сцену фантазия. Таинственные каменные истуканы острова Пасхи вместе со всеми прочими следами древней культуры неизвестного происхождения на этом клочке земли, который лежит один-одинешенек как раз посередине между ближайшими островами Полинезии и Южной Америкой, давали повод к всевозможным догадкам. Многие считали, что находки на острове Пасхи похожи на памятники некоторых древнейших цивилизаций Южной Америки. Может быть, в незапамятные времена существовал затонувший позднее материковый мост? Может быть, остров Пасхи и все те острова Южных морей, на которых найдены сходные изваяния, – остатки затонувшего континента?

Это предположение кое-кому нравилось и казалось приемлемым, однако геологи и другие ученые отвергают его. К тому же зоологи, которые изучают насекомых и улиток, доказали, что острова Южных морей на всем протяжении истории человечества, как и в наши дни, были полностью изолированы друг от друга.

Вот почему совершенно очевидно, что давным-давно, по собственной воле или вынужденно, праполинезийцы откуда-то приплыли на эти уединенные острова, либо дрейфуя по течению, либо под парусами. Больше того, если присмотреться, выходит, что это было не так уж много столетий назад. На островах не успели еще сложиться разные языки, хотя полинезийцы разбросаны на площади, в четыре раза превосходящей Европу. От Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге, от Самоа на западе до острова Пасхи на востоке тысячи морских миль, и, однако, все живущие порознь племена говорят на диалектах одного общего языка, который мы называем полинезийским. Нигде на островах не было письменности, если не считать острова Пасхи, где туземцы сохраняли деревянные дощечки с загадочными знаками, которых не могли прочесть ни они сами, ни кто-либо другой. Но школы были, и в них главным предметом считались поэтические предания; в Полинезии история была и религией. Островитяне обожествляли предков, они поклонялись своим умершим вождям, начиная с Тики, которого называли сыном Солнца.

Почти на каждом острове были ученые, которые могли перечислить поименно всех местных вождей со времени заселения острова. А помнить все это им помогали хитроумно связанные вместе шнуры с узлами, – такими же точно шнурами пользовались инки в Перу. Современные исследователи сопоставили все родословные с различных островов и обнаружили поразительное совпадение как имен, так и числа поколений. Принимая средний возраст полинезийского поколения в 25 лет, подсчитали, что острова Южных морей были заселены не раньше конца V – начала VI века нашей эры. Следы другой культуры и соответствующая ей новая генеалогия вождей свидетельствуют, что около 1100 года нашей эры на эти же острова пришли другие переселенцы.

Откуда же вышли эти люди, причем сравнительно недавно? Похоже, лишь очень немногие исследователи учли важнейший фактор, а именно: на столь позднем этапе истории сюда приплыл типичный неолитический народ. Хотя во всем остальном уровень культуры был поразительно высок, поселенцы привезли с собой особого рода каменные топоры и много других характерных каменных орудий, которые и распространились на всех островах. Вспомним, что, за исключением немногих изолированных лесных племен, к 500 и тем более к 1100 году нашей эры нигде не было неолитической культуры, способной к дальнейшему распространению, – нигде, кроме Нового Света, где даже самые развитые индейские культуры не знали железа и пользовались каменными топорами и другими орудиями точно такого вида, какой употреблялся на островах Южных морей, пока здесь не появились европейцы.

Многочисленные индейские племена, о которых мы здесь говорим, были ближайшими родственниками полинезийцев на востоке. На западе жили только дикие и первобытные народы Австралии и Меланезии, отдаленные родичи негроидов, а за ними лежали Индонезия и побережье Азии, где период неолита, судя по всему, был пройден раньше, чем где-либо еще на свете.

Вот почему мое внимание все больше переключалось со Старого Света, где многие искали разгадку и никто ее не нашел, на изученные и неизученные индейские культуры Америки, о которых никто до тех пор всерьез не думал в этой связи. И что же: на ближайшем к востоку материке, там, где сегодня берег Тихого океана и прилегающие к нему горные цепи занимает южноамериканская республика Перу, не было недостатка в следах, стоило только поискать. Здесь некогда жил неизвестный народ, который создал одну из самых своеобразных культур на свете, чтобы затем, еще в древние времена, вдруг буквально исчезнуть с лица земли. Остались громадные каменные скульптуры, похожие на изваяния на островах Питкерне, Маркизских и Пасхе, а также гигантские ступенчатые пирамиды, какие встречаются на Таити и Самоа. На склонах гор древние зодчие высекали каменными орудиями глыбы величиной с наш железнодорожный вагон, перемещали их на десятки километров и устанавливали торчком или клали друг на друга, сооружая ворота, могучие стены и террасы, совсем такие, какие мы видим на некоторых островах Тихого океана.

Когда в Перу пришли первые испанцы, в этой горной стране они нашли великую империю инков. И местные жители рассказали, что огромные, теперь заброшенные монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими здесь до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших зодчих описывали как мудрых и миролюбивых учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков индейцев строительному искусству и земледелию, передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они и покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда. Инки сами стали править страной, а белые учителя навсегда исчезли из Южной Америки, уйдя на запад, в Тихий океан.

А надо сказать, что, когда европейцы впервые попали на тихоокеанские острова, их как раз поразило, что у многих туземцев была борода и почти белая кожа. На многих островах можно было увидеть целые семьи с необычайно светлой кожей, рыжими, вплоть до русых, волосами, серо-голубыми глазами и лицами чуть ли не семитского типа, с орлиным носом. У собственно полинезийцев была золотисто-смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла и плоский, широкий нос. Рыжеволосые называли себя *урукеху* и утверждали, что происходят от первых вождей на островах – белокожих богов по имени Тачгароа, Капе, Тики. Во всей Полинезии были распространены легенды о происхождении первых островитян от загадочных белых людей. Вот и Роггевен, когда в 1722 году открыл остров Пасхи, с удивлением увидел на берегу «белых людей». А пасхалвцы могли поименно перечислить тех своих предков, у кого была белая кожа, начиная с Тики и Хоту Матуа, которые, по их словам, приплыли из-за моря, «из гористой, иссушенной солнцем страны на востоке».

Продолжая поиски, я находил в культуре, мифологии, языке Перу поразительные следы, которые побуждали меня еще более настойчиво и целеустремленно искать родину главного полинезийского бога Тики.

И вот настала минута, когда я нашел то, на что надеялся. Читая инкские легенды о короле-солнце, Виракоче, предводителе исчезнувшего из Перу белого народа, я вдруг увидел в комментарии следующие строки:

«Виракоча – инкское слово (язык кечуа), следовательно, оно позднего происхождения. Первоначально бога солнца Виракочу в древнем Перу, по-видимому, называли Кон-Тики, или Илла-Тики, что означает Солнце-Тики, или Огонь-Тики. Кон-Тики был верховным жрецом и королем „белых людей“ из инкских преданий, народа, о котором нам напоминают развалины могучих сооружений на берегах озера Титикака. Легенда сообщает, что на Кон-Тики напал вожь по имени Кари, который пришел из долины Кокимбо. В битве на одном из островов озера Титикака таинственные белые бородатые люди были разбиты наголову, но сам Кон-Тики вместе с ближайшими сподвижниками спасся и пробрался позднее к побережью, откуда они в конце концов исчезли в западном направлении, в море».

Теперь я больше не сомневался, что белый вожь-бог Солнце-Тики, изгнанный, по словам инков, их предками из Перу в Тихий океан, и есть белый бог-вожь Тики, сын Солнца, которого население всех восточных тихоокеанских островов воспевают как своего родоначальника. И ведь различные черты жизни Солнца-Тики в Перу, с упоминанием древних географических наименований района Титикака, можно было проследить и в исторических преданиях жителей Полинезии.

Но полинезийские острова хранят свидетельства и другого рода, говорящие о том, что миролюбивое племя Кон-Тики недолго оставалось единовластным хозяином на новом месте. Сначала на Гавайи, а потом и на другие острова Южных морей прибыли на больших военных пирогах, связанных попарно и не уступавших по размерам ладьям викингов, индейцы с западного побережья Северной Америки. Они смешались с родом Кон-Тики и принесли с собой новую культуру. Это был уже второй неолитический народ, добравшийся до Полинезии. В 1100 году он не знал ни металла, ни колеса, ни гончарного искусства, ни ткацкого станка, не был знаком с хлебными злаками.

Вот почему, когда немцы вторглись в Норвегию, я был в Канаде, у северо-западных индейцев Британской Колумбии, и расчищал на скальных изображениях в духе древнеполинезийских рисунков.

Напра-во! Нале-во! Кру-гом! Мытье полов в казарме, чистка амуниции, школа радиотелеграфистов, парашютная тренировка и в конце концов высадка зимой с морского конвоя в Финмарке, где в отсутствие Солнца-бога хозяйничал бог войны.

Но вот настал мир.

И пришел день, когда моя теория обрела законченную форму. Я решил отправиться в Америку, чтобы изложить ее там.

Глава 2. Рождение экспедиции

У специалистов. – Камень преткновения. – В Доме моряка. – Последний выход. – Клуб исследователей. – Новое снаряжение. – У меня появляется спутник. – Триумвират. – Один художник и два диверсанта. – В Вашингтон. – Совещание в военном департаменте. – У генерал-квартирмейстера со списком пожеланий. – Денежные затруднения. – Среди дипломатов в ООН. – Мы летим в Эквадор

Да, так оно, пожалуй, и началось – у костра на одном из островов Южных морей, где старый полинезиец сидел и рассказывал предания и легенды своего племени. А много лет спустя я сидел уже с другим стариком в сумрачном кабинете большого музея в Нью-Йорке.

Кругом, за стеклом аккуратных витрин, лежали немые свидетели былого, словно следы, ведущие в прошлое. Рядом с витринами вдоль стен вытянулись книжные полки. Тут были такие книги, что один человек написал и не больше десяти прочли. Седой добродушный старик, сидящий за рабочим столом, прочитал все эти книги и сам написал некоторые из них. Но сейчас он явно был не в духе. Нервно стиснув подлокотники кресла, он смотрел на меня так, словно я спутал ему карты в пасьянсе.

– Нет, – говорил он, – это невозможно!

Наверное, такой же вид был бы у Деда Мороза, если бы кто-нибудь сказал, что следующий Новый год придется на 1 мая.

– Вы ошибаетесь, в корне ошибаетесь, – повторил он и возмущенно затряс головой, словно вытряхивая из нее столь еретическую мысль.

– Но ведь вы еще не читали моих доводов, – попытался я возразить, кивая с надеждой в сторону лежащей на столе рукописи.

– Доводы! – воскликнул он. – Нельзя же подходить к этнографическим проблемам так, словно это детективная загадка.

– Почему нет? Все мои выводы основаны на собственных наблюдениях и на фактах, которые добыты наукой.

– Задача науки – чистое исследование, – спокойно сказал он, – а не попытки что-либо доказать.

Он бережно отодвинул в сторону нетронутую рукопись и наклонился над столом.

– Это верно, что в Южной Америке развилась одна из самых замечательных культур прошлого, и нам неизвестно, ни какой народ ее создал, ни куда он исчез, когда власть захватили инки.

Но одно мы знаем совершенно точно: ни один из народов Южной Америки не переселился на тихоокеанские острова.

Он пристально взглянул на меня и продолжал:

– И знаете – почему? Ответ очень прост. Они не могли туда попасть, у них не было лодок!

– У них были плоты, – нерешительно возразил я. – Знаете, наверное, – бальсовые плоты.

Старик улыбнулся и спокойно сказал:

– Ну что ж, попробуйте пройти из Перу до тихоокеанских островов на бальсовом плоту.

Последнее слово осталось за ним. Было уже поздно. Мы встали. Старый ученый проводил меня до дверей, добродушно похлопал меня по плечу и сказал, что я всегда могу обращаться к нему за помощью. Но в дальнейшем мне все-таки лучше заниматься либо Полинезией, либо Америкой, не валить в кучу две разные части света. Здесь он спохватился и вернулся к столу.

– Вы, кажется, забыли вот это. Он возвратил мне рукопись.

Я прочел знакомый заголовок: «Полинезия и Америка, к вопросу о древних связях». Зажав рукопись под мышкой, я побрел по лестнице и смешался с толпой прохожих.

Позднее, в тот же вечер, я приехал в Гринвич-Виллидж и постучался в дверь невзрачного домика на окраине поселка. Так повелось, что я шел сюда со своими заботами, когда они уж очень меня донимали.

Маленький тщедушный человечек с длинным носом опасливо приоткрыл дверь, но тут же, широко улыбаясь, распахнул ее и затащил меня внутрь. Он провел меня прямо в уютную кухню и заставил накрывать на стол, а сам тем временем удвоил порцию загадочного, но приятно пахнущего варева, которое разогревал на газовой плите.

– Молодец, что зашел, – сказал он. – Ну как?

– Плохо, – ответил я. – Никто не хочет читать рукопись.

Он наполнил тарелки, и мы принялись за еду.

– Очень просто: те, к кому ты обращаешься, думают, что все это твоя фантазия. Ты же знаешь, у нас в Америке сколько угодно чудачков.

– И еще одно, – вставил я.

– Знаю, аргументация. Все они узкие специалисты и недоверчиво относятся к такой методике, когда привлекаются данные из самых различных отраслей, от ботаники до археологии. Они сознательно ограничивают размах исследований, чтобы тем настойчивее зарываться в глубину и добывать детали. Современная наука требует, чтобы каждый специалист копался в своей яме. Редко кто-нибудь принимается разбирать и складывать вместе то, что они добывают.

Он встал и сходил за объемистой рукописью:

– Вот, посмотри. Мой последний труд – о птичьем орнаменте в китайских народных вышивках. Семь лет готовил, зато сразу приняли к изданию. Наше время требует специализации.

Карл был прав. Но пытаться решить загадки Тихого океана без всестороннего подхода было, на мой взгляд, все равно что складывать мозаику из кусочков только одного цвета.

Мы убрали со стола, я помог ему вытирать посуду.

– Из Чикагского университета что-нибудь ответили?

– Нет.

– А что сказал сегодня твой старый приятель из музея?

Я помялся, прежде чем ответить.

– Его моя теория тоже не заинтересовала. Сказал, что у индейцев были только плоты, значит, нечего и думать о том, чтобы они могли открыть полинезийские острова.

Хозяин вдруг принялся ревностно тереть тарелку.

– М-да, – промолвил он наконец. – По правде говоря, мне тоже это кажется таким препятствием, которое ставит под сомнение всю твою теорию.

Я мрачно поглядел на тщедушного этнолога, которого всегда считал своим верным союзником.

– Ты только не пойми меня превратно, – поспешно добавил он. – Я допускаю, что ты прав, но очень уж это все непонятно.

Мой труд о вышивках подтверждает твою теорию.

– Карл, – сказал я, – я уверен, что индейцы ходили на своих плотках через Тихий океан, я даже готов сам построить такой плот и пересечь на нем океан, чтобы доказать, что это было возможно.

– Ты с ума сошел!

Мой друг принял мои слова за шутку и рассмеялся, но за смехом крылось опасение: а что, если я это всерьез?..

– Значит, по-твоему, это невозможно?

– Ты с ума сошел! На плоту?!

Он не знал, что и думать, и пылливо уставился на меня, как бы ожидая, что я сейчас улыбнусь и станет ясно: пошутил.

Он не дождался улыбки. Я понял, что никто не примет мою теорию, потому что Перу и Полинезию разделяет необозримый океан, а я пытаюсь обойти этот факт на доисторическом плоту.

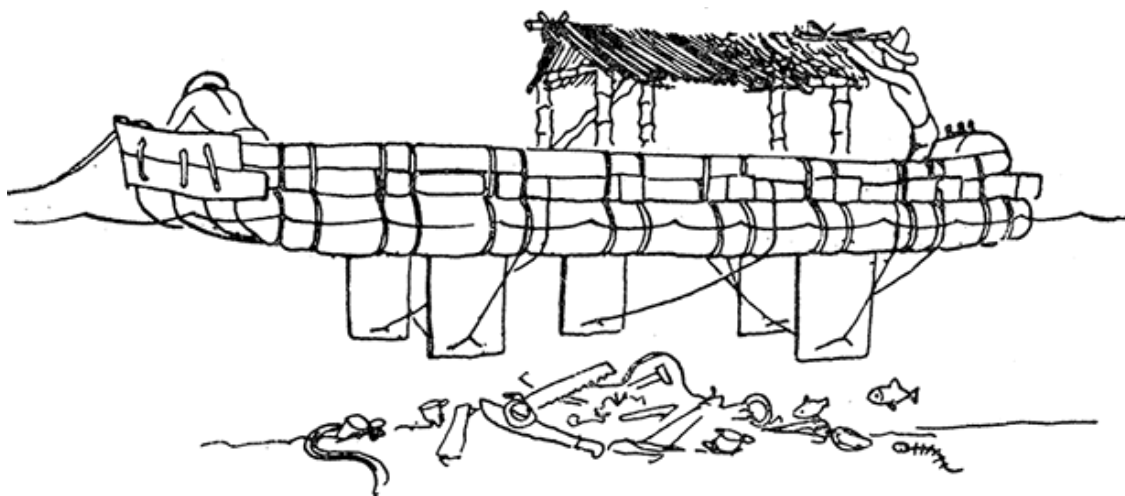
– Послушай-ка, – неуверенно произнес Карл. – Пойдем куда-нибудь, выпьем по стаканчику.

Мы пошли и выпили по четыре.

Как раз в эти дни пришел срок платить за комнату. Одновременно из Норвежского банка мне написали, что больше долларов я не получу: валютные ограничения... Я собрал вещи и доехал подземкой до Бруклина. Меня пустили в Норвежский дом моряка, там кормили сытно и вкусно, и цены отвечали возможностям моего бумажника. Мне выделили комнатушку наверху, а ел я вместе со всеми в просторной столовой внизу.

Одни моряки въезжали, другие уезжали. Разные люди – разные по внешности, росту, степени трезвости, но всех их объединяло одно: о море они говорили со знанием дела. Я узнал, что волны не увеличиваются с удалением от суши и с возрастанием глубины. Наоборот, внезапный шквал подчас коварнее всего как раз у берега. Мели, прибрежные течения и противотечения – все это может породить куда более могучие валы, чем в открытом море. И выходит, что если судно может плавать вдоль открытого, незащищенного берега, то оно не подведет и вдали от материка. Я узнал также, что при сильной волне большие суда зарываются носом или кормой, и многотонные массы воды, врываясь на палубу, завязывают узлом стальные трубы, а маленькой лодке хоть бы что – она целиком умещается между волнами и легко перемахивает через гребни. Некоторые из моих собеседников спасались на шлюпках после того, как их судно шло ко дну, разбитое волнами.

А вот о плотях они мало что знали. Плот – разве это судно: ни киля, ни поручней! Так просто – плавучее средство, на котором при аварии можно продержаться, пока тебя не подберут. Правда, один из них очень хорошо отзывался о плотях: он три недели провел на плоту после того, как немецкая торпеда пустила ко дну его судно посреди Атлантического океана.

– Но управлять им никак нельзя, – добавил он. – То боком идет, то задом наперед, смотря откуда ветер.

В библиотеке мне удалось разыскать записки первых европейцев, которые достигли тихоокеанского побережья Южной Америки. В этих записках было вдоволь зарисовок и описаний больших индейских бальсовых плотов. Прямой парус, шверты, на корме – длинное рулевое весло. Значит, они управляемы.

Шли недели, а ко мне в Дом моряка не поступало никакого ответа ни из Чикаго, ни из других городов, куда я разослал копии рукописи. Не хотят читать.

И вот как-то под воскресенье я взял себя в руки, отправился в морскую лавку на улице Уотер-стрит и купил лоцманскую карту Тихого океана; продавец учтиво величал меня «капитаном». Зажав карту под мышкой, я доехал на электричке до Оссининга, где обычно проводил уик-энд на даче молодой норвежской четы. Хозяин был раньше капитаном судна, а теперь представлял в Нью-Йорке компанию «Фред Ульсен лайн».

Освежившись в бассейне, я на два дня прочно забыл о большом городе. Амбьёрг вынесла поднос с коктейлями, и мы уселись на траве, где пригревало солнце. Я не мог утерпеть, расстелил на газоне карту и спросил Вильгельма, как он считает: можно дойти на плоту от Перу до островов Южных морей?

Он был слегка озадачен и смотрел больше на меня, чем на карту, – однако сразу ответил утвердительно. Я испытал такое облегчение, словно мне прицепили к воротнику воздушный шар, ведь Вильгельм был большой знаток и любитель всего, что касалось моря и мореходства. Тут же, не сходя с места, я посвятил его в свои замыслы. К моему удивлению, он заявил, что это чистейшее безумие.

– Но ведь ты же сам сейчас сказал, что считаешь это возможным! – прервал я его.

– Совершенно верно, – согласился он. – Но столько же шансов, что дело кончится плохо. Ты еще никогда вообще не бывал на бальсовом плоту, и на тебе – сразу через Тихий океан. Может быть, пройдешь, а может быть, и нет. Древние индейцы Перу, наверное, опирались на опыт поколений. Возможно, на каждый дошедший плот тонуло десять, если не сто. Сам говоришь, инки выводили в море целые флотилии бальсовых плотов. Если с кем-нибудь случалось несчастье, другие могли их выручить. А кто подберет вас посреди океана? Даже если ты возьмешь с собой радиопередатчик, это вовсе не так просто – найти маленький плот среди волн за тысячи миль от суши. Разыграется шторм, смоем вас с плота, и вы сто раз успеете утонуть, пока подойдет помощь. Нет уж, сиди-ка ты лучше на месте и жди, кто-нибудь прочтет твою рукопись. Пиши им еще и еще, напоминай, только так и добьешься чего-нибудь.

– Я не могу больше ждать, последние центы досчитываю.

– Переезжай к нам. Кстати, как ты вообще намереваешься организовать экспедицию из Южной Америки, если у тебя нет денег?

– Легче заинтересовать людей экспедицией, чем непрочтенной рукописью.

– И чего же ты добьешься?

– Опровергну один из самых веских аргументов против моей гипотезы, не говоря уже о том, что привлеку внимание ученых к этому вопросу.

– А если несчастье?

– Тогда я ничего не доказал.

– И будет твоя гипотеза окончательно скомпрометирована.

– Возможно, но ведь ты сам сказал, что один плот из десяти доходил.

Пришли дети хозяина – они затеяли играть в крокет, и в тот день мы больше не возвращались к моему вопросу.

На следующий уик-энд я снова отправился в Оссининг с картой под мышкой. И когда я возвращался оттуда в город, через всю карту от побережья Перу до островов Туамоту в Тихом океане протянулась длинная карандашная черта. Мой друг капитан понял, что меня не

отговорить, и мы несколько часов просидели вместе над картой, определяя наиболее вероятный путь плота.

– Девяносто семь суток, – сказал наконец Вильгельм. – Но помни, это только при идеальных условиях, если все время будет дуть попутный ветер и если плот в самом деле сможет идти под парусом, как ты предполагаешь. Так что, считай, никак не меньше четырех месяцев, а то и гораздо дольше.

– Добро, – ответил я удовлетворенно. – Будем считать минимум четыре месяца, а уложимся в девяносто семь суток.

Комнатушка в Доме моряка показалась мне в этот вечер вдвое уютней, когда я вернулся домой и сел на койку с картой в руках. Я встал и вымерял площадь комнатки шагами, насколько позволяли кровать и комод. Ну-у, плот будет куда больше! Я высунулся из окна, чтобы отыскать взглядом всеми позабытое звездное небо над большим городом – маленький квадрат, стиснутый крышами высоких домов. Что ж, если на плоту окажется тесновато, то во всяком случае над нами будет просторно.

Около Центрального парка, на 72-й западной улице, расположен один из самых избранных клубов Нью-Йорка. Лишь блестящая латунная дощечка с надписью «Клуб исследователей» говорит прохожему, что за этой дверью кроется нечто необычное. А войдешь – и словно ты вдруг приземлился с парашютом в другом мире, за десятки тысяч километров от зажатых небоскребами шеренг автомобилей. Двери в Нью-Йорк закрылись за твоей спиной, и ты погружаешься в атмосферу львиной охоты, горных восхождений и полярных экспедиций, но в то же время чувствуешь себя как бы в салоне комфортабельной яхты, совершающей кругосветное плавание. Головы бегемотов и благородных оленей, могучие рога и бивни, военные барабаны и копья, индейские покрывала, идолы, модели кораблей, флаги, фотографии и карты со всех сторон окружают членов клуба, когда они собираются, чтобы отметить юбилей или послушать доклад о дальних странах.

После моей поездки на Маркизские острова меня избрали действительным членом клуба, и как самый молодой из членов я старался не пропускать ни одного заседания, когда бывал в городе. Но, зайдя туда в дождливый ноябрьский вечер, я немало удивился непривычной картине, которая предстала моим глазам. Посреди пола лежала надувная резиновая лодка с различными принадлежностями и аварийным запасом продовольствия, а вдоль стен и на столах можно было увидеть парашюты, резиновые костюмы, спасательные пояса и всякого рода арктическое снаряжение, а также аппараты для дистилляции воды и другие чудеса. В этот день новый член клуба, полковник Хескин из службы материального обеспечения военно-воздушных сил, должен был прочесть доклад, показывая военные изобретения, которые, как он считал,годились также и для научных экспедиций, тропических и полярных.

После доклада началось горячее и веселое обсуждение. Известный датский полярный исследователь Петер Фрейхен поднялся во весь свой могучий рост и скептически потряс густой бородой. Он не очень-то верил в эти новомодные штучки. Во время одной из своих экспедиций в Гренландию он решил сменить эскимосский каяк и иглу на резиновую лодку и палатку и едва не поплатился жизнью. Сначала он чуть не замерз: разыгрался буран, а замкомолния на палатке обледенел, и он никак не мог попасть внутрь. Потом, когда он рыбачил, крючок зацепился за лодку, проколол ее, и она пошла ко дну. Вместе с приятелем эскимосом Фрейхен еле успел перебраться на другой каяк, который пришел им на выручку. Так что он был твердо убежден: сколько ни мудри все хитроумные изобретатели мира в своих лабораториях, им не превзойти того, чему научил эскимосов тысячелетний опыт.

Дискуссия закончилась неожиданным предложением полковника Хескина – действительные члены клуба могли отобрать все что угодно из нового снаряжения для своей очередной экспедиции, с одним только условием: вернувшись, сообщить лаборатории, как понравилась ее продукция.

В этот вечер я последним ушел из клуба. Хотелось до мельчайших подробностей изучить это новехонькое снаряжение, которое само шло в руки, стоило только попросить. Как раз то, что мне нужно: спасательное оборудование на тот случай, если плот, вопреки всем ожиданиям, развалится, а поблизости не будет других плотов, чтобы прийти к нам на выручку.

Это снаряжение занимало мои мысли и на следующее утро, за завтраком в Доме моряка, когда к моему столу подошел со своим подносом отлично одетый, атлетически сложенный молодой человек. Мы разговорились. Оказалось, что он тоже не моряк, а инженер из Тронхейма, приехал в Америку закупить части для машин и поработать на холодильниках. Он поселился неподалеку и часто приходил в столовую Дома моряка ради хорошей норвежской кухни. Потом он спросил меня, чем я занимаюсь, и я коротко поделился с ним своими замыслами. Сказал, что если до конца недели я не получу ни от кого положительного ответа на рукопись, то все силы обращу на то, чтобы устроить экспедицию на плоту. Мой собеседник помалкивал, но слушал с большим интересом. Четыре дня спустя мы снова встретились в той же столовой.

– Ну как ты решил – поплывешь или нет? – спросил он.

– Решил. Поплыву.

– Когда?

– При первой возможности. Если я замешкаюсь, со стороны Антарктики нагрянут штормы, в Полинезии начнется сезон ураганов. Надо выходить из Перу через два-три месяца. Но сперва – раздобыть денег, все организовать.

– Сколько человек будет участвовать?

– Думал собрать человек шесть: будет достаточное разнообразие в жизни на плоту и удобно разбить сутки на четырехчасовые вахты.

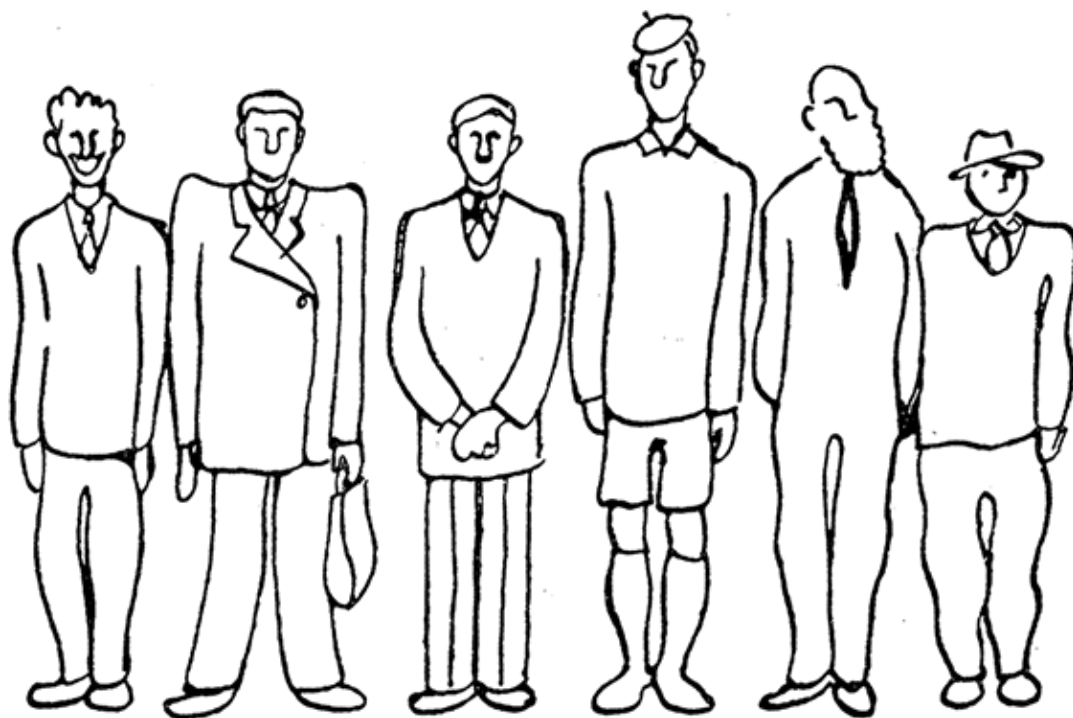
Он постоял, подумал, потом выпалил:

– Черт, до чего же хочется пойти с тобой! Я бы занимался всякими измерениями и опытами. Тебе же понадобится для твоего эксперимента точно измерять ветер, течения, волны. Не забывай, ведь ты будешь плыть через громадные пространства, которые почти не изучены, потому что там нет регулярного движения судов. Такая экспедиция сможет провести много важных гидрографических и метеорологических исследований, тут и моя термодинамика пригодилась бы.

Что я знал о нем? Только то, что может рассказать прямое, открытое лицо. Впрочем, этого иногда оказывается вполне достаточно.

– Идет, – ответил я. – Пойдем вместе.

Его звали Герман Ватцингер, он был такой же сухопутный краб, как я.

Через несколько дней я привел его с собой в «Клуб исследователей». Здесь мы встретили полярника Петера Фрейхена. У Фрейхена есть выгодное свойство: он никогда не растворяется в толпе. Огромный, как платяной шкаф, с пышной бородой, он выглядит так, словно только что вернулся из тундры. Кажется, что он должен водить за собой на ремне гризли.

Мы подвели его к громадной карте на стене и рассказали о своем замысле пересечь Тихий океан на плоту. Слушая нас, он теребил свою бороду, а его мальчишеские голубые глаза выросли в оловянные блюдца. Потом он топнул деревянной ногой и затянул потуже ремень:

– Вот это план! Черт побери, я и сам бы не прочь с вами!

Старый исследователь Гренландии наполнил наши пивные кружки и стал рассказывать о своей твердой вере в суденышки первобытных народов: они так замечательно приспособлены к природным условиям, что где угодно пройдут. Он сам ходил на плотах по великим рекам Сибири и тащил на буксире плот с туземцами вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Рассказывая, он не переставал тереть свою бороду и приговаривать:

– Эх, черт возьми, здорово вы задумали!

Благодаря горячей поддержке Фрейхена колеса завертелись с головокружительной скоростью и о нашем плане заговорили все скандинавские газеты. Уже на следующее утро в дверь моей комнаты в Доме моряка громко постучали; меня вызывали к телефону в коридоре. После этого телефонного разговора мы с Германом вечером того же дня очутились в роскошной квартире в одном из фешенебельных районов города. Нас принял холеный молодой человек в лакированных туфлях и шелковом халате, брошенном на синий костюм. Он извинился, прижимая к носу надушенный платок, и пояснил, что простужен. На вид – хлюпик, но мы-то знали, что он известен в Америке как один из лучших летчиков военного времени. Кроме вялого хозяина присутствовали два энергичных молодых газетчика, которых буквально распирали задор и всевозможные идеи. Нам было известно имя одного из них, талантливого журналиста.

За бутылкой хорошего виски хозяин рассказал, что его заинтересовала наша экспедиция. Он готов ее финансировать, если мы обязуемся по возвращении написать статьи для

газет и совершить турне с докладами. В конце концов мы обо всем договорились и выпили за плодотворное сотрудничество между финансирующей стороной и участниками экспедиции. О деньгах больше думать не надо, эта проблема решена, наши казначеи все берут на себя. Нам с Германом надлежит немедленно заняться подбором команды и снаряжения, строить плот и отправляться в путь, пока не начались ураганы.

На следующий день Герман взял расчет на работе, и мы засучив рукава принялись за дело. Из экспериментальной лаборатории военно-воздушных сил мне уже сообщили, что такая экспедиция как нельзя лучше подходит для проверки их снаряжения и мне охотно перешлют через «Клуб исследователей» все, о чем бы я ни попросил. Доброе начало! Теперь главной задачей было найти для нашей команды подходящую четверку добровольцев и раздобыть провиант.

Подбирать людей для плавания через океан на плоту надо было очень тщательно, чтобы после нескольких недель вынужденной изоляции на плоту не начались ссоры и беспорядки. Мне не хотелось составлять команду из моряков: вряд ли они больше нашего знают о плотях, да и к чему давать повод для возражений, дескать, мы справились потому, что разбирались в мореходном деле лучше, чем древние перуанские плотоводцы. Вместе с тем для наших научных отчетов нужен был человек, умеющий и обращаться с секстантом, и нанести на карту наш дрейф.

– Я знаю одного занятого художника, – рассказал я Герману. – Здоровенный детина, играет на гитаре, весельчак. Окончил штурманское училище и несколько раз ходил вокруг света, потом взялся за кисть и краски. Мы с ним с детства знакомы, сколько раз ходили вместе в поход в горы. Напишу ему – уверен: он согласится.

– Что ж, как будто подходит, – кивнул Герман, – но нам еще нужен человек, чтобы разбирался в радио.

– Радио?! – воскликнул я. – На кой черт нам радио – на доисторическом плоту?

– Ну, нет, не говори. Это просто мера предосторожности, и она никак не повлияет на твою теорию, если мы не вызовем помощь. Радио необходимо, чтобы передавать метеосводки и другие сообщения. А нам служба погоды ничего не даст, она не занимается этой частью океана. И даже если мы примем предупреждение о шторме – что толку нам от этого на плоту?

В потоке аргументов утонули мои робкие возражения, которые в общем-то коренились в нелюбви к всевозможным штепселям и верньерам.

– Как ни странно, – сдался я, – но если говорить о радиосвязи на большие расстояния с помощью маленьких передатчиков, то я знаю подходящих людей. В войну я сам попал в радиоподразделение – так сказать, надлежащий человек на надлежащем месте. Словом, я черкну Кнюту Хаугланду и Торстейну Робю.

– Ты их знаешь?

– Да. С Кнютом первый раз встретился в Англии в сорок четвертом году. У него уже была награда от британского короля, Кнют участвовал в диверсии на Рьюканском заводе тяжелой воды, был радистом группы. Когда мы познакомились, он только что вернулся из Норвегии, с задания. В Осло он укрывался в женской клинике, свою радиостанцию прятал в дымоходе. Гестаповцы запеленговали его, все здание окружили солдаты, против каждой двери поставили по пулемету. Сам начальник гестапо Фемер стоял на дворе и ждал, когда ему вынесут Кнюта. Но выносить пришлось его собственных людей. Стреляя из пистолета, Кнют пробился с чердака в подвал, а оттуда на задний двор и перескочил через каменную ограду, провожаемый градом пуль. Мы встретились в старинном английском замке, там был тайный центр, а его прислали туда, чтобы он наладил связь с тайными радиостанциями в оккупированной Норвегии, их в его сети было больше ста. А я окончил курсы парашютистов, и нас должны были сбросить вместе над Нурдмарком. Но тут русские вышли в район Кир-

кенеса, и в Финмарк отправили из Шотландии норвежский отряд, чтобы установить связь с русской армией. И я вместо Нурдмарка попал туда. Там я и встретил Торстейна. Полярная зима была в разгаре, круглые сутки тьма и северное сияние на черном небе, мороз пробирал сквозь все овчины. Наконец мы добрались до пепелищ в Финмарке, и тут с гор к нам спускается веселый, лохматый русоволосый парень с голубыми глазами – Торстейн Робю. Он бежал от оккупантов в Англию, кончил там курсы, потом его забросили в Норвегию, в район Трумсё. И он засел в тайнике с маленьким передатчиком, по соседству с немецким линкором «Тирпиц», десять месяцев ежедневно сообщал в Англию обо всем, что делалось на корабле. Пользовался приемной антенной одного немецкого офицера, подключался к ней по ночам. Так он и наводил английские бомбардировщики, которые в конце концов добились «Тирпиц». А Торстейн ушел в Швецию, откуда снова попал в Англию. Теперь его сбросили с радиостанцией в немецком тылу в Финмарке. Когда немцы отступили, он оказался в нашем тылу и вылез из тайника, чтобы помочь нам своей малюткой: наша станция не дошла, нарвались на мину. Могу поклясться, что и Кнюту, и Торстейну осточертело сидеть дома, они с удовольствием прогуляются на плоту.

– Напиши, спроси их, – предложил Герман.

Я сочинил коротенькое письмецо Эрику, Кнюту и Торстейну. В нем говорилось без всяких околичностей:

«Собираюсь пройти на плоту через Тихий океан, чтобы подтвердить гипотезу о заселении Полинезийских островов из Перу. Поедете со мной? Обещаю только бесплатный проезд до Перу и Южных морей и обратно, а также что в пути вы найдете хорошее применение своим специальным знаниям. Отвечайте немедленно». От Торстейна тотчас пришла телеграмма:

«Еду. Торстейн».

Остальные двое тоже согласились.

На шестое место претендовал то один, то другой кандидат, но всякий раз возникала какая-нибудь помеха. Тем временем мы с Германом занялись провиантом. Мы вовсе не собирались жевать в пути жесткое мясо старой ламы или сушеные клубни кумары, ведь мы выходили в море не за тем, чтобы доказать, что сами происходим от индейцев. Наша цель – испытать добротность и мореходные качества инкского плота, его грузоподъемность и направление дрейфа, убедиться, могут ли стихии переправить его и всю команду без потерь через океан в Полинезию. Конечно, наши древние предшественники могли обойтись сушеным мясом, вяленой рыбой и сушеным картофелем – это была их обычная повседневная пища. К тому же мы собирались проверить: может быть, они в пути ловили рыбу и запасали дождевую воду. А для нашего собственного меню я выбрал скромные армейские пайки, знакомые нам по военному времени.

Как раз в эти дни на должность помощника норвежского военного атташе в Вашингтоне прибыл новый человек. В свое время он командовал в Финмарке ротой, а я был его заместителем. Настоящий сгусток энергии, пламенная душа, Бьёрн Рёхолт больше всего на свете любил бороться с препятствиями. Он был из тех людей, которые просто теряются, если, одолев одну проблему, не оказываются тотчас перед новой.

Я написал ему о наших делах и попросил его мобилизовать свой нюх, чтобы связаться с интендантским управлением американской армии. Может быть, их лаборатории разрабатывают новые армейские пайки, которые мы можем испытать на тех же условиях, что снаряжение из лаборатории BBC.

Два дня спустя Бьёрн позвонил мне по междугородному телефону из Вашингтона. Он обращался в отдел внешних сношений военного департамента США, там хотят узнать, что мы затеваем.

С первым же поездом мы с Германом отправились в Вашингтон.

Мы застали Бьёрна в его кабинете при военной миссии.

– Думаю, все будет в порядке, – сказал он. – Завтра нас примут в отделе внешних сношений, надо только заручиться подходящим письмом от полковника.

Полковник был не кто иной, как Отто Мюнте-Кос, норвежский военный атташе. Он встретил нас дружелюбно и, когда узнал, в чем дело, охотно согласился написать письмо.

А когда мы на следующий день утром зашли за письмом, он вдруг поднялся со стула и сказал, что, пожалуй, будет лучше, если он сам поедет с нами. На машине полковника мы отправились к Пентагону, где разместился военный департамент. Впереди сидели полковник и Бьёрн при всех своих регалиях, позади – мы с Германом. Через ветровое стекло мы издали увидели громадное – самое большое в мире – здание Пентагона. В этом доме-гиганте с его 30 тысячами служащих и 25 километрами коридоров состоится наша «морская конференция» с военным начальством... Я ущипнул сам себя за нос. Никогда, ни до, ни после этого, чаш плотик не казался нам с Германом таким ничтожным.

После бесконечных скитаний по коридорам и коридорчикам мы очутились у отдела внешних сношений. И вот уже мы сидим у роскошного стола красного дерева, рядом с блестящими офицерами; председательствовал сам начальник отдела.

Суровый коренастый офицер из Уэстпойнта, сидящий во главе стола, долго не мог понять, что связывает военный департамент США и наш плот. Но убедительная речь нашего полковника и то, что мы благополучно выдержали ураган вопросов, которые посыпались на нас со всех сторон, сделали свое дело. Он с интересом прочитал письмо из интендантской службы ВВС, потом встал, приказал своему штабу помочь нам через соответствующие каналы, пожелал нам удачи и, чеканя шаг, вышел из конференц-зала. Когда дверь за ним закрылась, молодой штабс-капитан прошептал мне на ухо:

– Бьюсь об заклад, вы получите все, что просите. Это же смахивает на небольшую военную операцию, а у нас тут, как война кончилась, сплошная канцелярия, рутина. И будет отличный случай основательно испытать снаряжение.

Отдел внешних сношений тут же договорился, что нас примет полковник Льюис из экспериментальной лаборатории генерал-квартирмейстера. Нас с Германом отвезли туда на машине.

Полковник Льюис был добродушный великан с осанкой спортсмена. Он тотчас вызвал руководителей отделов. Они все отнеслись к нам радушно и сразу предложили нам для проверки множество всякого снаряжения. Действительность превзошла наши самые смелые ожидания, они перечисляли все на свете, от армейских рационов и крема против загара до водонепроницаемых спальных мешков. Затем нас повели осматривать образцы. Мы пробовали спецрационы в хитроумных упаковках, испытывали спички, которые не боялись воды, смотрели новые примусы и водяные баки, резиновые спальные мешки и особую обувь, посуду, нетонущие ножи – словом, все, что может пожелать себе такая экспедиция.

Я глянул на Германа. У него было лицо исполненного надежд примерного мальчика, который пришел в кондитерскую с богатой теткой. Высокий полковник шел впереди и объяснял, а его подчиненные записывали, что нам нужно и сколько. Я уже считал, что бой выигран, и только мечтал поскорее вернуться в гостиницу, чтобы принять горизонтальное положение и в тиши поразмыслить обо всем. И вдруг я услышал голос приветливого полковника:

– Ну что ж, теперь пошли к боссу, он решит, давать ли вам все это.

У меня душа ушла в пятки. Выходит, начинай все сначала!

И один Бог ведает, что за тип этот «босс»...

За письменным столом сидел офицер небольшого роста, весьма строгий на вид. Он пристально поглядел на нас своими голубыми глазами. Предложил сесть.

– Well, что угодно этим господам? – резко спросил он полковника Льюиса, глядя мне прямо в глаза.

– Да так, разные мелочи, – поспешил заверить Льюис и изложил вкратце цель нашего посещения.

Шеф сидел, словно каменный.

– Что же мы получим взамен? – бесстрастно осведомился он, выслушав все до конца.

– Well, – мягко ответил Льюис, – мы надеемся, что экспедиция представит нам подробный отчет, как проявили себя снаряжение и провиант в трудных условиях.

Строгий офицер, по-прежнему не сводя с меня холодных глаз, медленно откинулся назад на стуле. У меня сердце оборвалось, когда он сухо произнес:

– Я так и не вижу, что они могут дать нам взамен.

В кабинете стало тихо; полковник Льюис поправил воротничок, мы оба молчали.

– Но, – добавил вдруг шеф с ударением, и в его глазах мелькнул огонек, – смелость и пытливость тоже чего-нибудь да стоят. Полковник Льюис, выдайте им то, что они просят!

Возвращаясь на такси в гостиницу, я был как хмельной. Неожиданно Герман тихо рассмеялся.

– Ты что, спятил? – испугался я.

– Нет, – соврал он, не моргнув, – просто я только что подсчитал, что в наш провиант входят шестьсот восемьдесят четыре банки ананасов – мое самое любимое блюдо!

Чтобы собрать в одной точке на побережье Перу шесть человек и один плот с грузом, нужно выполнить тысячу и одну задачу, притом по возможности одновременно. А у нас было в запасе всего три месяца и ни одной волшебной лампы Аладдина.

Заручившись письмом в отделе внешних сношений, мы вылетели в Нью-Йорк, чтобы там встретиться с профессором Колумбийского университета Бере, который возглавлял комитет географических исследований военного департамента. Он нажал на нужные кнопки, и постепенно Герман получил все необходимые ему для научных опытов приборы и аппараты.

Затем мы вернулись в Вашингтон, чтобы повидать адмирала Гловера в Гидрографическом институте Военно-морских сил. Старый добродушный морской лев вызвал всех своих офицеров, представил им Германа и меня и указал на карту Тихого океана на стене:

– Эти молодые люди задумали исправить наши карты морских течений. Помогите им!

Колеса продолжали вертеться – английский полковник Ламсен созвал конференцию в британской военной миссии, чтобы обсудить, какие трудности нас ждут и каковы шансы на благополучный исход. Мы получили бездну советов и кое-какое английское военное снаряжение, доставленное самолетом из Англии. Начальник британской санитарной службы рьяно пропагандировал таинственный «антиакулин». Достаточно бросить в воду несколько щепоток этого порошка, уверял он, и самая назойливая акула мигом улетучится.

– Сэр, – вежливо поинтересовался я, – мы можем твердо положиться на этот порошок?

– Well, – улыбаясь, ответил англичанин, – это-то как раз мы и хотим выяснить!

Когда времени в обрез и приходится не ездить, а летать и не ходить, а ездить, бумажник тощит на глазах. Сдав в кассу мой билет в Норвегию и истратив полученные за него деньги, мы отправились за помощью к нашим казначеям в Нью-Йорк. Но здесь нас подстерегали неприятные неожиданности. Главный казначей лежал с температурой, а его коллеги были бессильны что-либо предпринять без него. Соглашение оставалось в силе, но сейчас они ничего не могли сделать. И попросили нас отложить все дело. Тщетная просьба: машина уже на ходу, теперь ее нельзя остановить. Тут только не отставай; о том, чтобы притормозить, не может быть и речи. Делать нечего, партнеры согласились распустить нашу коалицию и развязать нам руки, чтобы мы могли действовать быстро и самостоятельно.

И вот мы стоим на улице, в карманах пусто...

– Декабрь, январь, февраль, – подсчитал Герман.

– От силы еще март, – продолжал я, – потом надо отчаливать!

Все представлялось нам туманным, одно было ясно: у нас серьезная экспедиция, мы не собираемся уподобляться трюкачам, которые спускаются в бочке по Ниагаре или семнадцать суток сидят на верхушке флагштока.

– Никакой рекламной помощи от фабрикантов жевательной резины или кока-колы, – сказал Герман.

Я был с ним полностью согласен.

Норвежские кроны мы могли достать. Но они нас не выручали по эту сторону Атлантики. Можно обратиться в какой-нибудь фонд, но кто пожелает связывать свое имя с сомнительной теорией? Очень скоро мы убедились, что ни пресса, ни частные благотворители не решаются вкладывать свои деньги в предприятие, которое и они сами, и страховые общества считали чистым самоубийством. Вот если мы в целости вернемся обратно, тогда другое дело.

Все выглядело очень мрачно, шли дни, а мы не видели выхода. И тут снова на сцену выступил полковник Мюнте-Кос.

– Что, ребята, трудно приходится? – сказал он. – Вот вам чек для начала. Рассчитаемся, когда вернетесь из Полинезии.

Полковник вовлек в это дело других, и этого частного займа оказалось достаточно, чтобы мы могли обойтись без помощи всяких коммерсантов. Можно было вылетать в Южную Америку и начинать строить плот.

Древние перуанские плоты вязали из бальсовых бревен: сухая бальса легче пробки. В самом Перу она растет только за Андами, поэтому инкские мореплаватели отправлялись за бальсой вдоль побережья в Эквадор и срубали огромные деревья чуть ли не на самом берегу. Мы собирались поступить точно так же.

Современный путешественник сталкивается с совсем другими трудностями, чем инки. Конечно, у нас есть автомобили, самолеты, бюро путешествий, но зато теперь появились государственные границы и вышибалы в мундирах, которые подвергают сомнению вашу личность, издеваются над вашим багажом и топят вас в анкетах – если только вам вообще посчастливится быть впущенным в страну. Боясь этих вышибал, мы просто не смели явиться с полными ящиками и чемоданами всяких странных предметов, поздороваться и на ломаном испанском языке вежливо спросить, нельзя ли нам въехать в страну, чтобы затем отправиться в море на плоту. Нас засадили бы за решетку.

– Нет, – заключил Герман. – Без официального письма ни шагу.

Один из наших друзей, член распавшегося триумvirата, был корреспондентом при ООН. Он отвез нас туда. Мы почувствовали себя очень маленькими, когда вошли в огромный зал заседаний, где представители всех наций, сидя бок о бок, в полной тишине слушали речь черноволосого русского, стоявшего перед гигантской – во всю заднюю стену – картой мира.

В перерыве наш друг корреспондент ухитрился поймать одного из делегатов Перу, а затем и представителя Эквадора. Усевшись на мягком кожаном диване в фойе, они внимательно слушали наш рассказ, как мы задумали пересечь Тихий океан, чтобы подтвердить гипотезу, по которой представители древних культур из их стран первыми заселили острова Южных морей. Они пообещали поставить в известность свои правительства и гарантиро-

вали нам полное содействие в Южной Америке. Услышав, что пришли его соотечественники, к нам подошел Трюгве Ли. Кто-то предложил ему отправиться вместе с нами в плавание, но он предпочитал волны ооновской дискуссии. Заместитель генерального секретаря ООН, доктор Бенхамен Коэн из Чили, сам был известным археологом-любителем, и он снабдил меня письмом к президенту Перу, которого знал лично. Мы встретили также посла Норвегии в США Вильгельма Моргенстьерне, и с этой минуты он оказывал экспедиции неоценимую поддержку.

И вот наконец куплены два билета, и мы сидим в самолете, направляющемся в Южную Америку. Один за другим взрели четыре мощных мотора; мы откинулись, обессиленные, в своих креслах. До чего же легко было на душе при мысли о том, что первый этап позади, теперь перед нами открылся прямой путь в мир приключений.

Глава 3. В Южную Америку

Посадка у экватора. – Затруднения с бальсой. – На самолете в Кито. – Охотники за головами и «оандидое». – Через Анды на джипе. – Спуск в дебри. – Киведо. – Мы рубим бальсу. – Вниз по Паленке на плоту. – Заманчивая военная гавань. – В военно-морском министерстве в Лиме. – У резидента Перу. – Появление Даниельссона. – Снова в Вашингтон. – Двенадцать килограммов писанины. – Боевое крещение Германа. – Мы строим плот на военной верфи. – Предостережения. – Перед стартом. – Крещение «Кон-Тики». – До свидания, Южная Америка

Самолет пересек экватор и пошел косо вниз сквозь молочно-белые облака, которые до тех пор простирались под нами, словно залитая солнцем снежная равнина. Густая мгла лепилась к окнам, потом она отстала и повисла сверху над нами плотной пеленой, а внизу мы увидели волнистую темно-зеленую поверхность тропического леса. Мы углубились в воздушное пространство над южноамериканской республикой Эквадор и приземлились в портовом городе Гуаякиле.

Накинув на руку жилет, пиджак и ненужное здесь зимнее пальто, мы вышли из самолета и попали в парник к оживленно болтающим южанам в легких костюмах; тотчас рубашка прилипла к спине, словно мокрая бумага. Нас приняли в свои объятия таможенники и пограничники и чуть не на руках донесли до такси, которое отвезло нас в лучшую – и единственную приличную – гостиницу города. Здесь мы мигом добрались каждый до своей ванны и простерли свои тела под краном с холодной водой.

Итак, мы прибыли в страну, где растет бальса, теперь надо купить бревна для плота.

Весь первый день мы изучали местную денежную систему и осваивали испанский язык, чтобы знать, как найти дорогу обратно в гостиницу.

На второй день мы стали уходить все дальше от ванной комнаты, и когда Герман исполнил заветную мечту детства – потрогал настоящую пальму, а я превратился в ходячую миску с фруктовым салатом, мы решили, что пора идти и покупать бревна.

Увы, оказалось, что это легче сказать, чем сделать. Вообще-то бальсы было сколько угодно, но только не в бревнах, как это было нужно нам. Прошло то время, когда вдоль побережья росли бальсовые леса. Последняя война прикончила их, стволы валялись тысячами и увозили на авиазаводы, так как древесина бальсы на редкость легкая и пористая. Нам объяснили, что теперь большие деревья можно найти лишь в дремучих лесах в глубине страны.

– Ну что ж, отправимся туда и срубим их сами, – решили мы.

– Это невозможно, – последовал ответ властей. – Только что начался дождевой сезон, лесные дороги непроходимы: грязь, вода. Если вам непременно нужны бальсовые бревна, приезжайте в Эквадор через полгода, когда кончатся дожди и просохнут дороги.

В поисках выхода мы обратились за советом к бальсовому «королю», дону Густаво фон Бухвальду; Герман развернул перед ним чертеж нашего плота с указанием размеров. Маленький тощий «король» тут же взял телефонную трубку и велел своим агентам навести справки. Выяснилось, что на всех лесопилках можно найти планки, мелкие доски, отдельные колоды, но ни одного пригодного для нас бревна. На собственном складе дона Густаво лежали два сухих бревна, но на двух бревнах далеко не уплывешь. Нет, тут искать бесполезно.

– У меня есть брат, а у него – большая плантация бальсового дерева, – сказал нам дон Густаво. – Зовут его дон Федерико, он живет в Киведо – маленькой лесной деревушке в глубине страны. Он вам все достанет, как только кончатся дожди и мы с ним свяжемся. Сейчас это невозможно из-за ливней.

А что было невозможно для дона Густаво, то было невозможно и для всех остальных специалистов по бальсе в Эквадоре. Сидим в Гуаякиле, а бревен нет и нельзя самим отправиться за ними в дебри раньше, чем через несколько месяцев, когда все равно уже будет поздно.

– Время на исходе. – сказал Герман.

– И нам позарез нужна бальса, – откликнулся я. – Плот должен быть точной копией, иначе нельзя поручиться, что мы не погибнем в пути.

Небольшой школьный атлас, который мы раздобыли в гостинице, с зелеными лесами, коричневыми горами, красными кружками населенных пунктов, показывал, что лес тянется сплошным массивом от Тихого океана до подножия вздымающихся в заоблачную высь Анд. И тут меня осенило. Со стороны побережья проникнуть через лес в Киведо сейчас невозможно, а что если попытаться счастья с другой стороны – спуститься прямо в лесную чащу по скалистым склонам Андского хребта? Других возможностей мы не видели.

На аэродроме нашелся небольшой транспортный самолет, его пилот согласился захватить нас с собой в Кито – столицу этой удивительной страны, лежащую в горах на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря. В просветах между ящиками и мебелью мы увидели, как внизу промелькнули и зеленая листва, и серебристые реки. Затем самолет вошел в тучу, а когда мы вынырнули из нее, равнина под нами была закрыта безбрежным морем клубящихся облаков, а впереди из этого моря прямо к яркому синему небу тянулись иссушенные солнцем склоны и голые скалы.

Самолет набирал высоту, словно шел вверх по невидимой канатной дороге. И хотя до экватора было рукой подать, мы вскоре поравнялись с белыми сверкающими снежниками. Потом самолет нырнул между горами вниз, мы прошли над сочной весенней зеленью высокогорного плато и приземлились около самой необычной столицы в мире.

Большинство из ста пятидесяти тысяч жителей Кито – горные индейцы, чистокровные и метисы. Кито был столицей их предков задолго до того, как Колумб и с ним вся Европа узнали о существовании Америки. Приезжему бросаются в глаза старинные монастыри с их бесценными сокровищами искусства и другие великолепные здания, которые со времен испанцев возвышаются над глинобитными индейскими лачугами. Между домами – лабиринт узких улочек, забитых индейцами в красных пончо и больших самодельных шляпах. Одни идут на рынок, подгоняя навьюченных осликов, другие дремлют на солнце, сидя вдоль стен. Притормаживая и непрерывно гудя, пробираются среди ребятишек, босоногих индейцев и осликов редкие автомашины, в которых сидят аристократы испанского происхождения. Воздух здесь, на высоте, до того чист и прозрачен, что горы кажутся частью самого города, придавая всему налет сказочности.

Наш друг с транспортного самолета, летчик Хорхе, по прозвищу Бешеный пилот, принадлежал к одному из старинных испанских родов Кито. Он помог нам устроиться в уютной старомодной гостинице, после чего стал бегать – то с нами, то без нас, – разыскивая желающих отвезти нас через горы в лес, в Киведо. Вечером мы собрались в старом испанском кафе. Хорхе принес кучу плохих новостей – лучше выбросить из головы всякую мысль о Киведо. Ни машин, ни провожатых, которые взяли бы перебросить нас через горы, не говоря уже о том, чтобы спуститься в лес, где хлещет дождь, а застрянешь в грязи – берегись нападения. Еще и года не прошло, как был убит отравленными стрелами отряд американских инженеров-нефтяников, десять человек. Леса на востоке кишат индейцами, которые бродят нагишом, вооруженные ядовитыми стрелами.

– Есть даже охотники за головами, – зловеще добавил Хорхе, видя, что Герман как ни в чем не бывало уписывает бифштекс и наливает себе еще вина.

– Думаете, я преувеличиваю? – продолжал он все так же зловеще. – Сколько ни запрещай, до сих пор есть в стране люди, которые живут тем, что перепродают высушенные человеческие головы. За всеми не уследишь, вот и случается, что лесные индейцы отрезают головы своим врагам из других племен. Они дробят и удаляют черепную кость, а кожу

наполняют раскаленным песком, она от этого сжимается и голова делается меньше кошачьей, но все черты лица остаются. Когда-то высушенные головы врагов были ценным трофеем, теперь это дорогой контрабандный товар. Посредники из метисов сбывают головы скупщикам на побережье, а те за бешеные деньги продают их туристам.

Хорхе важно поглядел на нас. Если бы он знал, что нас с Германом еще днем зазвали в подворотню и предложили нам две головы по тысяче сукре за штуку! В наши дни часто попадаются подделки, но это были настоящие головы чистокровных индейцев, каждая черточка сохранена. Голова мужчины и голова женщины величиной с апельсин. Женщина казалась даже красивой, хотя неизменными остались только ресницы и длинные черные волосы. Мне стало жутко от одного воспоминания, но вслух я усомнился, чтобы нам могли встретиться охотники за головами к западу от гор.

– Кто знает, – мрачно возразил Хорхе, – что ты скажешь, если твой друг исчезнет и его голова поступит в продажу в уменьшенном виде? Так случилось с одним моим другом, – добавил он, строго глядя на меня.

– Расскажи, – сказал Герман, уже без прежнего удовольствия жуя свой бифштекс.

Я бережно отложил в сторону вилку, и Хорхе начал свой рассказ. Одно время он жил с женой в лесном поселке, промывал золото и скупал добычу других старателей. У него появился друг из индейцев, который частенько приносил золото в обмен на разные товары. Потом друга убили в лесу. Хорхе разыскал убийцу и пригрозил застрелить его. А убийца был один из тех, кого подозревали в торговле высушенными головами, и Хорхе сказал, что сохранит ему жизнь, если тот немедленно отдаст голову убитого. И тут же получил ее – она была величиной с кулак. Хорхе, как увидел своего друга, даже растрогался: он ничуть не изменился, только стал совсем маленьким. Хорхе отнес голову домой жене. Она упала в обморок, и пришлось друга спрятать в чемодан. Но в лесу такая сырость, что голова стала плесневеть, и Хорхе вынужден был доставать ее и сушить на солнце. Подвесит ее за волосы на бельевой веревке, а жена увидит – и в обморок. Но как-то раз в чемодан пробралась мышь и изуродовала друга. Хорхе страшно расстроился и решил со всеми почестями похоронить голову друга в ямке на аэродроме. Как-никак человек, заключил Хорхе.

– Спасибо, я наелся, – произнес я.

Когда мы шли домой сквозь ночной сумрак, мне вдруг стало не по себе: шляпа Германа опустилась ему на самые уши... Да нет, просто он натянул ее поглубже, защищая голову от холодного горного ветра.

На следующий день мы сидели с нашим генеральным консулом Брюном и его женой под эвкалиптами в саду большой асиенды, которую они снимали за городом. Брюн считал, что вряд ли наши шляпы вдруг станут нам велики во время поездки в Киведо, но... Как раз в тех местах орудуют разбойники. Он показал газетные вырезки, в них сообщалось, что, как только кончатся дожди, в район Киведо будут посланы солдаты, чтобы ликвидировать обосновавшихся там «бандидос». Так что ехать туда сейчас – чистейшее безумие, и мы не найдем ни шофера, ни машины. В разгар беседы мы заметили, как мимо промчался джип американского военного атташе. А что, если попробовать? Вместе с генеральным консулом мы отправились в американское посольство и попали к самому атташе. Это был стройный, подтянутый молодой человек в мундире защитного цвета и кавалерийских сапогах. Он с улыбкой спросил нас, как это мы очутились в Андах, когда местные газеты утверждают, что мы задумали идти на плоту через океан.

Мы объяснили ему, что бревна еще стоят в Киведском лесу. А мы сидим на крыше континента и не можем до них добраться. И у нас к нему просьба одолжить нам либо а) самолет с двумя парашютами, либо б) джип с шофером, хорошо знающим местность.

Наша дерзость настолько ошеломила атташе, что в первый миг он онемел. Потом безнадежно покачал головой, улыбнулся и сказал: ол райт, поскольку третьего выхода нет, он предпочитает второй!

Утром, в четверть шестого, еще до рассвета к подъезду гостиницы подкатил джип, из которого выскочил эквадорец в чине инженер-капитана и доложил, что прибыл в наше распоряжение. Грязь не грязь, ему приказано доставить нас в Киведо. Джип был набит канистрами с бензином, ведь на нашем пути не то что бензоколонки, вообще следов автомобиля не увидишь. Памятуя сообщения о «бандидос», наш новый друг, капитан Агурто Алексис Альварес, вооружился до зубов кинжалами и пистолетами. Мы-то прибыли в Эквадор как мирные путешественники, рассчитывая купить бревна в первом попавшемся приморском городе, и все наше дорожное имущество состояло из мешка с консервами, если не считать приобретенного в последнюю минуту старого фотоаппарата и прочнейших армейских брюк, по паре на брата. Да еще генеральный консул навязал нам свой огромный парабеллум с таким запасом амуниции, чтобы мы могли скосить всех врагов на нашем пути.

В призрачном свете луны джип пронесся по пустынным проулкам между белыми глинобитными стенами, выскочил за город и по хорошей песчаной дороге с головокружительной скоростью помчался на юг.

Дорога была хорошей вплоть до города Латакунга, где индейские домики с глухими стенами обступили белую церковь с пальмами у входа. Здесь мы повернули на запад по выючной тропе, петляющей по горам и долинам Андского хребта, и попали в мир, какого раньше даже не представляли себе, – мир горных индейцев, тридевятое царство, тридесятое

государство, страна вне времени и пространства. На всем пути нам не попало ни одной тележки, ни одного колеса. Босые пастухи в ярких пончо гнали стада грациозных, важных и пугливых лам; иногда встречалась направляющаяся куда-то семья. Глава семьи – впереди, верхом на муле, а шупленькая жена трусит следом и несет на голове кучу шляп, на спине – младшего наследника, да еще ухитряется на ходу прясть шерсть. За ней рысцой поспевают ослики и мулы, груженные хворостом, камышом, горшками.

Чем дальше, тем реже нам попадались индейцы, понимавшие по-испански, и скоро языковые познания Агурто оказались столь же бесполезными, как и наши. В горах тут и там кучками стояли хижины; сперва преобладали глинобитные, потом пошли сложенные из связок сухой травы. Казалось, и эти лачуги, и их загорелые, морщинистые обитатели выросли прямо из пропеченной солнцем земли. Они были так же неотделимы от скал и лугов, как здешняя трава. Горные индейцы не могли похвастаться ни большим богатством, ни высоким ростом, зато обладали силой и выносливостью лесного зверя и открытой детской душой сынов природы, и незнание языков с лихвой возмещалось улыбками. На кого ни посмотри – сияющее лицо, ослепительная улыбка. Вряд ли хоть один белый когда-либо разворачивал свой бизнес в этих краях. Ни одного рекламного щита, ни одного дорожного указателя, выбросишь на дорогу жестяную банку или клочок бумаги – их тут же подберут: пригодится в хозяйстве!

Вверх по голым, выжженным склонам, вниз в пустынные долины, где только песок да кактус, потом опять круто вверх до перевального гребня, где кругом лежал снег и дул такой леденящий ветер, что пришлось сбавить ход, чтобы не окоченеть. Сидя в одних рубашках, мы мечтали поскорее попасть в тропический лес. То и дело мы ехали прямо по осыпи и по кочкам, разыскивая следующий отрезок дороги. На западном склоне Анд, где горы круто спадают вниз к равнине, дорога была высечена в выветренной породе: узкий карниз – и пропасть. Оставалось только положиться на нашего друга Агурто, а он сонно навалился на руль и в самых опасных местах норовил проехать по краю. Вдруг в лицо нам дохнул мощный порыв ветра. Последний гребень, дальше – обрыв, за обрывом спуск до самого леса, перепад – 4 тысячи метров. Но нам не пришлось полюбоваться захватывающим видом на зеленое море листвы: едва мы перевалили через гребень, как нас окутали плотные облака, словно пар из адского котла клубился над равниной. Мы стремительно мчались вниз, под уклон, петляя

по ущельям и отрогам, а воздух становился все более теплым и влажным и все сильнее насыщался тяжелым, одуряющим оранжерейным запахом тропического леса.

И вот начался дождь. Сначала мелкий и редкий, потом по джипу словно застучали барабанные палочки, а кругом по уступам побежали шоколадные ручьи. Мы не столько катили, сколько плыли под гору. Далеко позади остались сухие высокогорные плато, мы очутились в совсем другом мире, стволы, и камни, и глинистые косогоры здесь покрывал сочный зеленый ковер. Торчали большие листья, дальше это были уже огромные зеленые зонты, с которых струйками сбегала вода. А затем показались разведчики дебрей – деревья с влажной бахромой и длинными бородами мха, с мокрыми гирляндами лиан. Всюду булькало, всюду журчало. И как только склон стал более отлогим, целая армия зеленых великанов обступила малютку джип, ныряющий из лужи в лужу. Вот он, тропический лес! Здесь было душно, сыро, воздух пропитался запахом зелени.

Уже затемно мы увидели на бугре кучки хижин, крытых пальмовыми листьями. Мокрые насквозь, мы бросили джип, чтобы ночь провести под крышей. Конечно, на нас набросились всякие кусачие твари, но они мигом захлебнулись под дождем на следующий день. Нагрузив джип бананами и другими южными фруктами, мы углублялись в дебри. Спуск продолжался, хотя нам казалось, что мы уже давно достигли дна зеленой пучины. И грязь все гуще, но это нас не смущало, а разбойники не показывались.

Только когда дорогу преградил прорывающийся сквозь лес широкий мутный поток, джип спасовал. Нет пути ни налево, ни направо, прочно застряли. На расчистке по соседству стояла хижина, и несколько метисов растягивали леопардовую шкуру на стене, освещенной солнцем, а по бобам какао, разложенным на земле для сушки, бродили, греясь в солнечных лучах, куры и собаки. Когда на расчистку въехал наш джип, сразу началось оживление. Говорящие по-испански рассказали нам, что река называется Паленке, а Киведо лежит на другом берегу, совсем близко. Моста нет, а река быстрая и глубокая, но они вызвались переправить нас на плоту вместе с джипом.

Мы спустились на берег и увидели заветное творение. Суковатые бревна толщиной в руку или в ногу человека, связанные вместе лианами и бамбуковыми прутьями, составляли неказистый плот вдвое шире и длиннее нашего джипа. Подсунув под каждое колесо по доске и затаив дыхание, мы въехали на плот. И хотя большинство бревен ушло в мутную воду, они выдержали и нас, и джип, и еще вдобавок четырех полуголых смуглых перевозчиков, которые повели плот через реку, орудуя длинными шестами.

– Бальса? – в один голос спросили мы с Германом.

– Бальса, – кивнул один из парней и непочтительно пнул ногой бревно.

Течение быстро несло нас вниз, но парни знали свое дело, и мало-помалу плот пересек стремнину и вошел в заводь у противоположного берега. Так состоялась наша первая встреча с бальсовым деревом и наше первое путешествие на бальсовом плоту. Мы пришвартовались, джип сполз на сушу, и мы торжествующе въехали в Киведо: просмоленные деревянные домики в два ряда по бокам узкой улочки – вот и вся деревня. На крышах из пальмовых листьев неподвижно сидели грифы.

Все жители побросали свои дела, из окон и дверей буквально посыпались люди – черные и коричневые, молодые и старые. Гудящий голосами поток захлестнул наш джип. На джипе, под джипом, вокруг джипа толпились киведцы. Мы судорожно вцепились в свое имущество, Агурто лихорадочно крутил руль, но тут лопнула шина, и джип пал на колени. Мы добрались до Киведо, оставалось только терпеть, пока схлынет волна приветствий.

Участок дома Федерико находился несколько ниже по реке. Когда мы – Агурто, Герман и я – по тропинке между манговыми деревьями въехали во двор его усадьбы, навстречу нам выбежал старый костлявый лесовед и его племянник Анхело, который поселился здесь в глуши вместе с дядей. Мы передали привет от дона Густаво, и вот уже джип стоит на

дворе один под ливнем, а в бунгало дон Федерико идет пир горой. Над очагом поджаривались поросята и цыплята, и мы, окружив блюдо с горой фруктов, изложили, зачем приехали. Сквозь сетки на открытых окнах проникали теснимые тропическим ливнем волны теплого воздуха, напоенного благоуханием цветов и запахом глины.

Дон Федерико заметно оживился, даже словно помолодел. Бальсовые плоты – да он знает их с тех пор, как под стол пешком ходил. Пятьдесят лет назад, когда он жил на побережье, индейцы из Перу еще приходили в Гуаякиль по морю на больших плотях, привозили рыбу на продажу. В бамбуковой хижине посередине плота лежало до двух тонн вяленой рыбы; ехали с женами, с детьми, да еще везли собак и кур. Их плоты были связаны из огромных бревен, сейчас из-за дождя такие стволы будет трудно найти. Грязь, вода, до бальсовой плантации даже верхом не доберешься. Но дон Федерико сделает все, что в его силах. Может быть, в лесу вокруг бунгало найдутся дикорастущие деревья, ведь нам не так много и нужно.

Под вечер дождь на время угомонился, и мы вышли погулять под манговыми деревьями около дома. С ветвей свисали всевозможные дикие орхидеи, собранные доном Федерико и посаженные в скорлупы кокосовых орехов. В отличие от культурных орхидей эти редкостные растения чудесно пахли, и Герман наклонился над одним цветком, чтобы насладиться благоуханием. Вдруг из листвы над ним высунулось что-то длинное, тонкое, блестящее... Анхело молниеносно взмахнул плеткой, удар – и по земле покатилась извивающаяся змея. В ту же секунду он прижал ее к земле раздвоенным суком и разбил ей голову.

– Mortal! – сказал Анхело и показал нам в пасти змеи два изогнутых ядовитых клыка: смертельно.

После этого нам всюду начали чудиться затаившиеся ядовитые змеи, и мы вернулись в дом, неся на палке безжизненно болтающийся трофей Анхело. Герман принялся снимать кожу с зеленого чудовища, а дон Федерико решил развлечь нас страшными историями о ядовитых змеях и гигантских удавах. Вдруг мы увидели на стене огромные силуэты двух скорпионов величиной с хорошего омара. Они сошлись в поединке и отчаянно размахивали клешнями, изогнув крючком хвост с ядовитым шипом и выжидая удобный миг, чтобы нанести смертельный удар. Зрелище было жуткое, и только подвинув керосиновую лампу, мы поняли, что это тени двух самых обыкновенных скорпионов с палец длиной, которые вели смертный бой на краю комода.

– Пускай их, – рассмеялся дон Федерико. – Один прикончит другого, а уцелевший пусть живет, все меньше тараканов будет в доме. Не забывайте только на ночь как следует задергивать москитную сетку на кровати, да по утрам встряхивайте одежду, перед тем как одеваться, и все будет в порядке. Меня сколько раз скорпионы кусали, а я еще жив, как видите.

Я спал хорошо, просыпаясь, только когда какая-нибудь ящерица или летучая мышь слишком уж шумно возилась в изголовье и мне чудились всякие страсти.

Утром мы встали пораньше, чтобы идти за бальсой.

– Встряхнем, что ли, – сказал Агурто, и в следующую минуту из рукава его рубахи на пол шлепнулся скорпион, который поспешил тут же юркнуть в щель.

Как только взошло солнце, дон Федерико разослал своих людей на конях искать подходящие деревья вдоль троп. Сам он повел на разведку нас с Германом, и вскоре мы вышли на известную ему одному прогалину, над которой возвышался старый великан толщиной около метра. Согласно полинезийскому обычаю, мы, прежде чем рубить дерево, окрестили его. Ему было присвоено имя Ку, в честь полинезийского божества американского происхождения. После этого я взмахнул топором и изо всей силы ударил им по стволу, так что по лесу раскатилось эхо. Но рубить сырое бальсовое дерево все равно что стучать тупым колуном по пробке: топор отскакивал, и Герману очень скоро пришлось сменить меня. Топор переходил из рук в руки, летели щепки, струился пот...

Когда утро перешло в день, Ку напоминал петуха, стоящего на одной ноге, и вздрагивал при каждом ударе. Затем он покачнулся и с тяжелым грохотом рухнул на землю, обламывая мощные сучья и тонкие деревца. Очистив ствол от ветвей, мы принялись снимать кору на индейский лад, зигзагами. Вдруг Герман уронил топор и, схватившись рукой за ногу, высоко подпрыгнул, словно исполнял воинственный полинезийский танец. А из штанины вывалился блестящий муравей величиной со скорпиона и с длинным жалом в конце брюшка. Мы с трудом раздавили его каблуками, такой плотный панцирь покрывал все тело муравья.

– Конго, – сочувственно объяснил дон Федерико. – Эта тварь похуже скорпиона, но смертельной опасности для сильного, здорового человека не представляет.

Несколько дней Герман не мог согнуть распухшую ногу, но это не мешало ему вместе с нами скакать верхом по лесным тропам и разыскивать могучие деревья. Время от времени в дебрях раздавался гул и треск и глухой удар. Дон Федерико удовлетворенно кивал: метисы повалили очередного великана. За неделю к Ку присоединились Кане, Кама, Ило, Маури, Ра, Ранги, Папа, Таранга, Кура, Кукара и Хити – в общей сложности двенадцать мощных стволов, названных в честь героев полинезийских преданий, чьи имена Тики принес на острова из Перу. Потом лошади поволокли блестящие от проступившего сока бревна через лес. На последнем участке трактор дона Федерико сменил лошадей и потащил стволы к самой реке возле бунгало.

Сырые бревна отнюдь не были легкими, как пробка, каждое весило не меньше тонны, и мы волновались: как они будут держаться на воде. Одно за другим бревна выкатывали на край берегового откоса, где конец ствола захватывали толстой веревкой из лианы, чтобы его не унесло течением. Затем мы сталкивали бревна вниз, и они шлепались в реку так, что только брызги летели. Покружатся немного и лягут ровно, высовываясь из воды на половину диаметра. И можно спокойно ходить по ним – не шелохнутся. Из крепких лиан, которые свисали с деревьев, мы сделали канаты и связали бревна в два временных плота так, чтобы один буксировал другой. Погрузили на плоты запас бамбука и лиан впрок и разместились сами: мы с Германом и двое метисов непонятного происхождения, объяснявшихся на неведомом языке.

Обрублены чалки, нас подхватило течением и понесло вниз по реке. Последнее, что мы видели сквозь завесу дождя, огибая первый мысок, были наши славные друзья, они стояли на самом берегу пониже бунгало и махали нам вслед. Мы забрались под навес из банановых листьев, а навигацией занимались два смуглых эксперта: один – на носу, другой – на корме, каждый со своим огромным веслом. Они легко вели плот по самой стремнине, которая извивалась между затонувшими деревьями и песчаными отмелями.

Лес выстроился вдоль обоих берегов непроницаемой стеной. Из густой листвы вылетали попугаи и другие ярко расцвеченные птицы. Раза два с берега в мутную воду нырнули аллигаторы. А вскоре мы увидели еще более примечательное чудовище. На мокрой глине распласталась игуана – огромная ящерица величиной с крокодила, но с большим горловым мешком и высоким гребнем вдоль спины и хвоста. Она лежала совсем неподвижно, словно уснула в доисторические времена, да так с тех пор и не просыпалась. Наши рулевые сделали знак, чтобы мы не стреляли. Вслед за тем мы увидели на висящем над рекой суку еще одну ящерицу, с метр длиной. Она отбежала на безопасное расстояние и легла, провожая нас холодными змеиными глазками, лоснящаяся, сине-зеленая. Еще немного погода мы прошли мимо поросшего папоротником бугра, на макушке которого отдыхала особенно крупная игуана. На фоне неба четко вырисовывалась неподвижная приподнятая голова – ни дать ни взять высеченный в камне китайский дракон. Мы обогнули бугор, а игуана, что называется, даже бровью не повела.

Ниже по реке мы почуяли запах дыма и на вырубках вдоль берега увидели крытые соломой хижины. Нас пристально разглядывали какие-то типы, загадочная помесь индейцев, негров и испанцев. На берегу лежали их лодки-долбленки.

Когда наступало время перекусить, мы сменяли своих друзей у руля, чтобы они могли испечь рыбу и хлебные плоды над небольшим очагом, который мы обложили мокрой глиной. Жареные цыплята, яйца, фрукты тоже входили в наше меню. Река обеспечивала бесплатный транспорт нам и нашим бревнам. Что из того, что кругом слякоть и грязь! Чем больше дождя, чем сильнее паводок, тем быстрее течение.

Когда стемнело, на берегах начался оглушительный концерт. Лягушки и жабы, цикады, сверчки и москиты квакали, пищали, стрекотали неумолкающим многоголосым хором. Время от времени мрак прорезал вой дикой кошки, а вот это крик птиц, вспугнутых ночным разбойником. Иногда мелькало пламя очага в хижине туземца, и нам вдогонку летели голоса и собачий лай. И опять мы сидим под звездами наедине с лесным оркестром. В конце концов усталость и дождь загоняли нас в нашу каюту, и мы засыпали, держа пистолеты наготове.

Чем дальше, тем чаще попадались хижины и плантации. Потом пошли целые деревни. Местные жители ходили на долбленках, отталкиваясь длинными шестами; кое-где нам встречались небольшие бальсовые плоты, груженные зелеными бананами.

Река Гуаяс многоводнее Паленке, и от лежащего в их слиянии Винчеса до самого Гуаякиля ходил колесный пароход. Чтобы сберечь драгоценное время, мы с Германом заняли каждый свою подвесную койку на пароходе и двинулись к морю через густонаселенный равнинный край. Наши смуглые друзья пригонят бревна сами.

В Гуаякиле мы с Германом временно простились. Он остался ждать бревна в устье Гуаяс. Отсюда он перебросит их на пароходе вдоль побережья в Перу и возглавит постройку плота, который будет копией древних индейских плотов. А я вылетел рейсовым самолетом на юг, в Лиму, столицу Перу, чтобы подыскать место для нашей верфи.

Самолет взмыл в небо над берегом Тихого океана. Слева – пустынные горы Перу, внизу и справа – переливающийся бликами могучий океан. Здесь мы пойдем на плоту... Сверху океан казался бесконечным. Небо и вода сливались вместе далеко на западе, где чуть заметной линией был намечен горизонт. А ведь там, за этой равниной, еще сотни таких равнин, одну пятую земной окружности надо пройти, прежде чем снова появится суша – острова Полинезии. Я попробовал мысленно перенестись на несколько недель вперед, когда среди этой безбрежной синевы внизу появится наша скорлупка... Нет, лучше думать о другом, а то уж очень неприятно щекочет под ложечкой, совсем как перед прыжком с парашютом.

Выйдя с аэродрома в Лиме, я сел в трамвай и поехал в порт Кальяо. Здесь я быстро убедился, что все забито судами, кранами и пакгаузами, не говоря уже о таможне, управлении порта и прочих зданиях. А если где-нибудь с краю и остался незанятый клочок суши, там кишели любопытные купальщики, которые в два счета растащили бы наш плот вместе со всем снаряжением. Нынешний Кальяо – главный порт страны с 7-миллионным населением. Словом, в Перу обстановка для плотостроителей осложнилась еще больше, чем в Эквадоре. Я видел только один выход: проникнуть за высоченные бетонные стены военной верфи, за эти железные ворота с вооруженной охраной, которая грозно и подозрительно смотрела на меня и прочих посторонних, слоняющихся в порту. Попасть бы туда, в эту надежную гавань...

В Вашингтоне я познакомился с перуанским военно-морским атташе, и у меня было от него письмо. С этим письмом я на следующий день пришел в военно-морское министерство и попросил аудиенции у министра Мануэля Нието. Меня провели в роскошный, сверкающий зеркалами и позолотой зал. Вскоре туда явился и сам министр, коренастый, подтянутый офицер с осанкой Наполеона. Министр говорил четко и без околичностей. Что мне угодно? Я попросил разрешения построить плот на военной верфи.

– Молодой человек, – сказал министр, барабня пальцами по столу, – вместо двери вы вошли в окно. Я охотно помогу вам, но мне нужно распоряжение министра иностранных дел. Я не могу так запросто пускать иностранцев на военный объект, да еще чтобы вы работали на верфи. Пишите в министерство иностранных дел и желаю удачи!

Я с содроганием представил себе теряющийся вдали поток входящих и исходящих. Как не позавидовать простым и суровым нравам эпохи Кон-Тики, когда не существовало бумажных барьеров...

Попасть к министру иностранных дел – это будет посложнее. У Норвегии не было своей миссии в Перу, и наш предупредительный генеральный консул Бар мог свести меня только с советником министерства. Я боялся, что этого окажется недостаточно. Может быть, меня выручит письмо доктора Козна президенту республики? Через канцелярию президента я попросил об аудиенции у его превосходительства дона Хосе Бустаманте-и-Риверо. Прошло несколько дней, и мне передали, чтобы я к двенадцати часам явился во дворец президента Перу.

В Лиме больше полумиллиона жителей, это вполне современный город, раскинувшийся на зеленой равнине у подножия пустынных гор. Архитектура города, а особенно сады и парки, делают его одной из красивейших столиц мира, словно кусочек Ривьеры или Калифорнии с вкраплениями старинных испанских зданий. Дворец президента находится в центре города, его охраняет вооруженный караул в живописной форме. В Перу аудиенция – дело серьезное, и большинство видели президента только в кино. Солдаты в блестящих португезах провели меня вверх по лестнице и длинному коридору к столу, где трое дежурных в штатском зарегистрировали меня и впустили через громадную дубовую дверь в зал с длинным столом и множеством стульев. Здесь меня встретил человек, одетый во все белое, он предложил мне сесть и исчез. Тут же открылась большая дверь, и меня ввели в еще более великолепный зал. Навстречу мне шел какой-то важный деятель в роскошном мундире.

«Президент!» – решил я и вытянулся в струнку. Нет, я ошибся. Человек в раззолоченном мундире указал на старинный стул с прямой спинкой и скрылся. Я сел на самый кончик стула, но не прошло и минуты, как открылась следующая дверь, и слуга с поклоном пригласил меня в изысканный зал с позолотой на стенах и на мебели. Слуга тотчас улетучился, оставив меня в полном одиночестве. Я сидел на старинном диване и видел перед собой целую анфиладу пустых залов. В полной тишине откуда-то издали донеслось осторожное покашливание. Затем послышались чеканные шаги, я вскочил и неуверенно приветствовал еще одного важного господина в военном. Но и это был не президент. Из того, что он сказал, я понял, что президент просил меня приветствовать, сейчас кончится заседание кабинета министров, и он освободится.

Десять минут спустя тишину опять нарушили чеканные шаги, и вошел человек с эполетами и золотыми шнурами. Я живо встал и отвесил глубокий поклон. Человек с эполетами поклонился еще ниже и повел меня через множество залов и вверх по лестнице с толстой ковровой дорожкой. В крохотной комнатке, где едва-едва уместился кожаный стул современного вида и диван, он оставил меня одного. Вошел коротенький человек в белом костюме, и я с тоской подумал: куда меня поведут теперь? Но он никуда меня не повел, а только приветливо поздоровался. Это был президент Бустаманте-и-Риверо.

Президент знал вдвое больше английских слов, чем я испанских, так что, когда мы поприветствовали друг друга и он жестом предложил мне сесть, наш общий словарный запас оказался исчерпанным. С помощью жестов и знаков можно многое выразить, но нельзя попросить разрешения работать на военной верфи Перу. Мне было ясно одно: президент меня не понимает. Да он и сам это чувствовал, потому что вскоре исчез и вернулся с министром авиации, генералом Армандо Ревередо. Министр был крепкий, спортивного вида муж-

чина в форме ВВС, с «крылышками» на груди. Он превосходно говорил по-английски с американским акцентом.

Я поспешил извиниться и уточнил, что мне нужен порт, а не аэропорт. Генерал, смеясь, объяснил, что его просили только быть переводчиком. Он терпеливо перевел мою гипотезу президенту, который слушал очень внимательно, время от времени задавая через Ревередо тонкие вопросы. Наконец он сказал:

– Если вопрос стоит так, что тихоокеанские острова были первоначально открыты выходцами из Перу, наша страна тоже заинтересована в вашей экспедиции. Говорите, чем мы можем вам помочь.

Я попросил, чтобы нам отвели место для постройки плота на территории военной верфи, открыли доступ в военные мастерские, выделили складское помещение, не облагали пошлиной наше снаряжение, разрешили нам пользоваться сухим доком и помощью личного состава верфи и чтобы какое-нибудь судно отбуксировало готовый плот в открытое море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.